Низший 10

Автор:
Дем Михайлов

Низший 10

Дем Михайлов

Низший #10

Когда надо – я могу быть быстрым. Когда очень надо, а работы дохрена – я могу превратить любую ленивую жопу в пышущий жаром рвения гребаный метеор. В этот раз я постарался применить все свои способности, чтобы добиться максимальной оперативности, но при этом не упустить ничего важного...

Дем Михайлов

Низший 10

Глава первая

Когда надо – я могу быть быстрым.

Когда очень надо, а работы дохрена – я могу превратить любую ленивую жопу в пышущий жаром рвения гребаный метеор.

В этот раз я постарался применить все свои способности, чтобы добиться максимальной оперативности, но при этом не упустить ничего важного.

Едва вернув нас на базу, заменив пару запчастей, чуть обиходив движок и урвав для сна несколько часов, Рокс со своим помощником и десятком Хвана рванул к Зомбилэнду, увозя с собой небольшой груз из запчастей, боеприпасов и запасных батарей. Им предстояла длинная дорога, а перед прибытием в Уголек, они заглянут еще в одно место. Следом я отдал еще с десяток приказов, каждый из который вызвал громкие стоны у личного состава. Застонали все – как ветераны, так и мясо. Но мне было плевать, и через полчасика я добавил еще пару приказов, заставив всю базу всколыхнуться.

Спустя час после убытия Рокса, на крышу центрального здания упал дрон, выпустивший из позолоченного чрева сразу двух симпатичных девушек и одного урода. Зеленоглазка, Диля и Червеус. Героиня, эльфийка и уродливый призм в статусе героя. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять – Зеленоглазка и Червеус умирают от радости и счастья. Эльфийская же ухоженная красотка рада, но при этом еще и очень смущена.

Пожав лапу червя, я поинтересовался у Дили:

– Охрана?

– Меня охраняют герои пятого ранга с нестертой памятью. – робко улыбнулась в ответ эльфийка.

– Вы? – я повернулся к знакомым рожам.

– Мы! – с широченной усмешкой подтвердил Червеус. – Свершилось, сука! Я герой высшего ранга!

– И я! – подпрыгнула зеленоглазая. – Земли Завета достигнуты! Святые сиськи! Я достигла высшего ранга!

– Спасибо! – мне в плечо вцепилась лапа червя.

– Я тебя в хранители эльфийских тушек не назначал. – качнул я головой.

– Зато дела твои привели к этому. Непредсказуемая рваная цепочка событий со счастливым финалом. И добрая Высшая Дилтарилуэлла Западная выбрала

именно нас в свои телохранители. И мы не позволим упасть с ее голову даже одному пепельному волоску… К-хм… Вызывал?

– И вас я не звал. – вернул я усмешку. – Мне была нужна богатая, щедрая, быстрая и не задающая много вопросов эльфийка, что искренне озабочена судьбой этого мира. Остальные могут прямо щас валить нахер.

– Оди! – обиженно округлила губки Зеленоглазка. – Я к тебе все душой и телом!

– Телом? – переспросила эльфийка. – Давайте-ка в дрон. А я побеседую с доблестным героем Оди, спасшим мою жизнь.

– Хы… – оскалился Червеус Магмус и, схватив за плечо на этот раз округлившую глаза, а не губы подругу, поволок ее за собой к позолоченной летающей машине.

– Поговорим на сугубо деловые темы? – улыбнулась Диля.

– Поговорим. – кивнул я, с высоты крыши наблюдая как по одну сторону здания хрипели от натуги новички, проходящие созданную Каппой полосу препятствий, а с другой стороны тяжко шагал экз, отрабатывая передвижение вместе с пехотой с одновременным подавлением противника шквальным огнем. Еще чуть дальше, на крыше второго здания, находящегося на соседнем островке, перекатывались и подпрыгивали дерущиеся тигры. Сидящие и стоящие рядом бойцы внимательно наблюдали. Еще трое усердно ползали, волоча с собой рюкзаки и оружие.

– Поговорим. – повторил я, поворачиваясь к двери, ведущей вниз.

– На сугубо деловые темы. – уточнила эльфийка.

* * *

Всхлипнув, от перекорежившего ее тело оргазма, она обмякла и свалилась с меня, рухнув на расстеленное на полу в дальней комнате серое одеяло.

– Ох…

Успокаивая дыхание, я чуть изменил положение и вытянулся, позволяя не знающему передышек телу разлечься поудобней. Иногда баловать надо даже рабов – чтобы потом работали усердней. Но нельзя баловать слишком сильно – иначе послушный инструмент превратится в ленивую одышливую жопу.

– Компот с самогоном – охеренно вкусная вещь! – пробормотала дергающаяся в сладких судорогах девушка. – Зачем было придумывать что-то еще? Эти чертовы коктейли Высших, где лиловая ягодка висит над лазурной, что означает мирную волну в мире и намерениях, а янтарное озерцо среди сахарных берегов… В жопу коктейли! Самогон и компот – вот правда жизни!

– И жареное мясо плуксов. – усмехнулся я.

– И просто кусок жареного мяса. Ну может, сверху пара сочных помидоров… но коктейли – в жопу! Больше ни капли этой разноцветный бурды!

– Ты идешь верной дорогой.

– Ты… ты представляешь, чего наворотил? Боюсь, что на тебя вот-вот откроют охоту. – задумчиво произнесла пришедшая в себя эльфийка и потянулась за граненым стаканом с остатками компота. – Тебе надо либо занять оборону, либо спрятаться понадежней. Хотя я не сведуща в этих делах. Я всего лишь красивая Высшая с правом голоса. Я сезонный шут, что уже проголосовал за то, чтобы назначить героя Эрыквана, он же Оди, кандидатом в Высшие, минуя все ранги и условности. Повод – неоднократное сотворение невероятных подвигов, неустанный труд на благо мира, спасение жизни Высшей и еще десяток пунктов, что я просто придумала, но которые нельзя проверить или опровергнуть. Это я умею – мутить прозрачную воду.

– Ого… и нахрена?

– Ну ты же рвался в Земли Завета.

– Ну да.

– Но теперь не рвешься. – понимающе кивнула Диля, расплющивая о меня совершенные по форме сиськи. – Я уже поняла. Все равно это будет не лишним –

тебя побоятся трогать мелкие сошки, а крупные фигуры будут присматриваться, но не станут торопиться с действиями. Когда один из Высших заявляет кого-то из героев в кандидаты… это серьезно. И это рассматривается на внеочередном собрании, где каждый отдает свой голос или воздерживается. Затем Мать оценивает количество голосов за и против, проверяет свои внутренние данные касательно кандидата и принимает окончательное решение. Учитывая, что за тебя уже пообещали отдать свои голоса семнадцать Высших… это очень неплохо.

– Семнадцать эльфов проголосовали за меня?

– Включая меня – восемнадцать.

– Ладно ты. Я понимаю. Но те, другие семнадцать?

– Не я одна забочусь о судьбе мира, Оди. Высшие… это сраное болото. Сборище моложаво выглядящих древних стариков. Никто нихрена не делает. Все всех устраивает. Но при этом все ненавидят и опасаются друг друга, заключают тайные договоры и альянсы, формируют какие-то сраные партии… а дело не движется. А мир продолжает умирать! Неудивительно, что такие, как я – одиночки, ненавидящие сложившийся порядок, но ничего не могущие сделать… ведь мы трусливы и слабы, чего уж там… я трусиха! Я очень боюсь всего! И я не лидер. Но если бы среди Высших появился кто-то вроде тебя… поверь – за тобой пошли бы очень многие!

– Я – Высший? – меня аж перекривило от с трудом сдерживаемого хохота, бутылка с остатками самогона едва не выпала из пальцев. – Я гоблин из жопы мира!

– Вот именно! Жесткий, вонючий, решительный, плюющий на авторитеты. Это то, что надо. Политика, Оди, политика! Не каждую стену можно пробить кулаками. Но эту стену можно разбить одним приказом обладающего истинной властью лидера.

– Не, – покачал я головой. – Диля… ты не понимаешь. Ты еще не сообразила, кто я. Давай начистоту – если очередной выверт судьбы сделает меня Высшим с правом голоса, если я вдруг наберу вес и заполучу в свои окровавленные лапы рычаги власти… я начну с массовых расстрелов. Я утоплю сраные Земли Завета в

крови. Причем расстреливать я буду пачками всех Высших подряд. И по очень простой причине – все Высшие как минимум бездействовали в то время, как мир катился по наклонной. Никто нихрена не делал! И это уже вина! Раз ты назначен кем-то, кто имеет влияние – используй его! Рви жопу, истекай кровавым потом, но делай! Сдохни, но сделай! Понимаешь? Вот единственное правило каждого, кто дотягивается до рычагов власти – сдохни, но сделай! Не сделал? Тоже сдохни! Под расстрел!

– Это… это слишком радикально…

– Радикально? Ну нет. Бездействием вы гробите мир.

– Я не бездействую!

– Ну пусть ты… и еще несколько таких же одиночек, что не могут поделать ничего – даже убить старых пауков. Вас вообще почти невозможно убить…

– Рубить голову…

– Ну да. А их Высших хреновые бойцы.

– В белых тогах и с бокалами красного вина мы заседаем… и заседаем… и заседаем… Ты прав. Но массовые расстрелы в Землях Завета…

– И это было бы только началом. – качнул я головой.

– А потом набрал бы новых деятельных Выс…

– В жопу! Никакой сраной демократии! Никакого общего голосования! Нет! Этот мир спасет лишь четкая вертикаль власти! Очень узкая вертикаль! Без десятков никчемных заседающих, что живут в дорогущих домах, наслаждаясь всеми прелестями жизни и не спеша предпринимать хоть что-то! Я сказал – надо пахать до кровавого пота! Напрягать жопу так, чтобы она трещала, а кишки от натуги вылезали на километр и тащились в пыли сзади!

– Фу…

– Не хочешь пахать так усердно? Вали на хутор! Занимайся чем-нибудь попроще! Пчелок там окучивай, картошку запекай, капусту нахрюкивай. Но не лезь в высоты власти – потому что там надо пахать! Гора! Вершина!

– А? – удивленно глянула на меня красотка, забирая бутылку и допивая самогон. – Уф! Жжет! Погоди… что еще за вершина? Какая гора?

– Власть – это нахождение на вершине.

– Ну это понятно.

– На самой высокой вершине.

– И это само собой. И что?

– А то, что на самой высокой горной вершине даже самый выносливый гоблин не сможет держаться долго! Вершина требует жертв! Огромных жертв! Там почти нет кислорода для дыхания, там жесткие минусовые температуры, там вечный свирепый ветер, что одним порывом снимает шкуру с хари! Ты можешь подняться на вершину, поставить флаг, сделать пару фото и… бегом вниз! Бегом к спасению! Вот что такое настоящая вершина! И еще не факт, что ты сможешь выжить, пока спускаешься. Горная вершина и вершина власти… они схожи, Диля. Поднялся, поставил флаг – и уходи! Так же и власть! Поднялся? Сделай что-то по-настоящему полезное, нужное – и уходи! Не волнуйся – на твое место придет следующий…

– Вот это речь… тебе бы с ней выступить на одном из собраний Высших.

– А эти твои Высшие. Разве место одышливой толпе стариков на вершине? Вершина мала. Там нет места для толпы. А они умудрились забраться туда аж сотней рыл! Чем они там держатся? Яйцами зацепились? Дерьмо! Править должен один! Принимать решения должен один! Только один!

– Так было, – тихо произнесла Диля. – Давным-давно. Первый Высший правил в одиночку. Принимал все решения сам. И так было до тех пор, пока он не ушел.

– В Башню?

– Может, туда. Может, умер. Не знаю. Но он ушел. При нем мир жил и благоденствовал. Без него мир начал умирать… может ты и прав, Оди. Править должен только один. Высшим может быть только один. И, стоя на вершине, держась за поставленный им гордо реющий флаг, он должен принимать решение за решением. А как поймет, что решений больше нет… надо уходить.

– Расстрелы! – повторил я. – Хотя проще запустить в их ряды орка с топором. Чтобы не тратить патроны. Ведь даже это – расточительство! Всех эльфов на мясо! И их прихлебателей, что прожирают и без того скудные мировые ресурсы. А затем, когда Земли Завета будут подчищены – начать чистку уже глобальную, мировую. Никаких тюремных сроков – сразу под нож! Никаких стираний памяти – даже со стертой памятью дерьмо остается дерьмом.

– Слишком радикально… во всем нужна гармония. Во всем нужна мера. Ну… я сделала тебя кандидатом. Рассмотрение через восемь дней. Думаю, у тебя все шансы стать Высшим, Оди. Пока без права голоса. Но, зная твою натуру – ты точно пробьешься выше. И я верю, что, глянув на мир с высоты вершин Земель Завета, ты поймешь, что нельзя принимать слишком уж жесткие решения…. Мир можно менять постепенно, мягко. Новые законопроекты, мягкие и почти незаметные изменения, что приведут к большим позитивным последствиям…

– А у нас осталось на это время? – спросил я, тянясь за еще непочатой бутылкой самогона. – У нас есть время в запасе? Мы скоро сдохнем!

– И все же…

– Так что насчет моих скромных нужд, Высшая? Ты сделаешь дело?

– Я сделаю дело. – улыбнулась эльфийка. – Забавно ты составляешь слова. Сдохни, но сделай. Сделай дело. Мне это нравится. И я сделаю дело. Учитывая ту поддержку, что оказывает тебе Мать – это будет несложно. И все же ты зря так торопишься. Не спеши! Куда несешься?! Остановись! Спрячься или засядь в оборону, Оди. Мы поможем тебе. Протащим тебя в Земли Завета. Сделаем Высшим. И рано или поздно ты сможешь изменить этот мир к лучшему куда более цивилизованными способами.

– Я гоблин из жопы мира. Из цивилизованных методов у меня только окровавленная дубина на плече. И этого хватит. Так что насчет…

– Все прибудет сегодня. Я отдам приказ через… ну… скажем, еще через часик. И этот час ты потратишь на то, чтобы своей дубиной… ну той, что не на плече, а ниже… воспитать из меня настоящего бойца… м?

– Через час. – кивнул я, подтягивая к себе податливое и горячее женское тело. – Через час…

– И в жопу сантименты. Компот, самогон, мясо и трах! Вот истинные ценности этого мира!

* * *

Под конец, перед тем как вырубиться на несколько часов, я сумел заставить осоловевшую от секса, выпивки и слов эльфийку добраться до своего дрона и убраться, унося с собой и героев высшего ранга. Я потратил пару минут на задумчивое рассматривание приплясывающих от нескрываемой радости Зеленоглазку и Червеуса. Все. Свершилось. Им больше не надо плести интриги, не надо надрывать жопу, не придется рисковать жизнью в опасных заданиях. Их мечты сбылись. Финал достигнут. Более того – они поднялись на ступеньку выше, став избранными новыми телохранителями Высшей. Причем телохранителями настолько доверенными, что им не стерли память. Зеленоглазка если и была огорчена тем, что ее новая госпожа решила провести со мной время, никак этого не выказывала – продолжала светиться от дикого счастья. Уродливый червь от нее не отставал. Они пытались это скрыть и на прощание не забыли помахать руками. Но… было отчетливо видно – я для них уже в прошлом. И будь их воля – они бы предпочли вовсе со мной никогда не встречаться. Кому из жителей рая нужны воспоминания о когда-то оказавшемся полезным грязном гоблине?

Может, и были у них какие-нибудь грандиозные планы касательно меня, однако недавнее происшествие с покушением на жизнь эльфийки, настолько испугавшейся, что в качестве новых телохранов решившей выбрать тех, с кем имел дело Оди и кого пока не убил, в корне изменило их жизнь.

Тех, с кем имел дело Оди и кого пока не убил…

Так Высшая мне прямым текстом и пояснила свой выбор.

Критерий так себе. Но я не стал ничего уточнять. Как не стал и спрашивать про расследование случившегося. А расследование давно уже должно было начаться, и проходить оно должно жестко. Там не просто чешут яйца забравшегося на пальму бабуина. Там сейчас трясут всю пальму. Ну я так предполагаю. А как на самом деле – да хрен его знает. Мне главное – урвать свое. Если Диля сумеет сделать то, что обещала – мы с ней в расчете. Более того – когда она спросила, приду ли я ей на помощь еще раз в случае беды, я кивнул утвердительно, добавив, что никогда не забываю ни зла, ни добра. Ну если только мне не стирают память…

Диля не облажалась.

Через три часа прибыл первый мягко коснувшийся крыши центрального здания контейнер. Еще через полчаса прибыл второй, поменьше, содержавший в себе стандартную начинку – боекомплекты на все случаи сучьей жизни, запасные батареи, пару десятков новых апгрейдов для игстрелов, на которые Высшая просила взглянуть меня попристальней. Там же находилось защитное снаряжение для бойцов – новенькое, черное, с непроницаемыми для взгляда снаружи забралами шлемов со встроенной связью. Наконец-то! Больше не придется надсадно орать за километр тупому гоблину, чтобы прижал оттопыренную жопу к земле. Достаточно тихого приказа в микрофон у губ – что тоже давным-давно вышло из моды, но все же лучше, чем дымовые сигналы индейцев. Вкусностей в первом контейнере было немало. Но я доверил разгрузку и сортировку Джоранн и Каппе, в первую очередь велев закрыть все нужды разведчиков и звена экза – за исключением нужд сексуальных.

А сам я занялся вторым контейнером.

Едва я прижал большой палец к темному квадрату сенсора, боковая бронированная створка ушла вверх, сматываясь в плотный рулон. Одновременно изнутри выдвинулись тяжелые стальные держатели, с которых неподвижно свисали три боевых скафандра. Три малых экза, если быть точнее.

Я знал эти модели. Я был в этих моделях. Я дрался в этих моделях. И горел в них же… эти воспоминания коснулись меня зыбким эхом и пропали, оставив на губах пороховую горечь и кисло-соленый вкус переполненной химикатами крови.

Два экза – стандартные пехотные. Модель Глефа. Для обычного пехотного экза чуток тяжеловаты, но это компенсируется наличием отменной лобовой брони. С боков и спины они прикрыты похуже. Из стандартного вооружения пулемет, дробовик, наплечный игрометатель. Из дополнительного, подвешенного на тех же держателях, имеется щит, еще один дробовик и огнемет с бронированным заспинным ранцем с адской порошковой смесью. Больше я ничего не помнил об этих экзах, хотя в голове крутилась упорная мысль-воспоминание-бред, что они очень неплохо показали себя в войне за огромные надводные руины какого-то почти полностью затонувшего города. При этом глефы доказали свою живучесть, хотя потери среди них были чудовищные – такой вот военный парадокс. Еще у этих экзов намертво закрепившееся прозвище «принглс». Но не помню почему.

И модель вторая и единственная в контейнере – Шило. Это название заставило меня ухмыльнуться, вспомнив старые деньки, когда я и Йорка мотались по стальным коридорам, крепко сжимая в руках пластиковые дубины с гвоздями и острые шила.

На самом деле экз назывался иначе. Восточная поделка. Крайне удачный гибрид из двух типов азиатских экзов каких-то там ранних поколений. Когда Диля начала перечислять ту технику, к которой имела доступ по праву рождения – а так бывает? – едва она произнесла название, я тут же кивнул. Да. Хочу. Именно его. Шило. Хотя модель называлась по-другому – там длинное слово оканчивалось на «…яма». Но это Шило. Сержантская модель. Броня чуть послабее, чем у глеф, зато Шило умеет прыгать – и высоко! Для этого он оснащен всем необходимым – включая увеличенный ранец со специальной смесью. Поэтому сержантскую модель не оснастить огнеметом и не навесить ему на спину дополнительный боекомплект. Но я справлюсь и со стандартным боекомплектом и оружием – мои руки заканчиваются пальцами, а не встроенными оружейными стволами. Что выберу – с тем и повоюю. А мой выбор очевиден. Я давно не расстаюсь с игстрелом, дробовиком, автоматом и дальнобоем. Плюс револьвер и пара гранат. Я с легкостью таскал это в одиночку, когда требовалось. Сейчас же, благодаря мощным сервоприводам боевого экзоскелета… Глефы были столь же грузоподъемны и не уступали в вооружении, но у них была только одна правая рука. Вместо второй – дробовик. И я всегда считал это огромным недостатком. Будет время и возможность – мы проведем глубокую модернизацию.

Ощутив горькость под языком, я сглотнул наркотическую слюну и задумчиво провел ладонью по чуть клиновидной груди экзоскелета.

– Лид!

– Да? – я с неохотой оторвался от созерцания Шила.

– Эти апгрейды для игстрелов…

– Да?

– Там увеличенные скобы, особый приклад, плюс дополнительные прицельные модули. И картриджи на сто игл каждый. Я правильно понял? Это для модификации игстрелов под экзоскелеты?

– В точку! – растянул я губы в усмешку. – Прямо в точку. Ну и Рэку обломится большая убойность. Каппа.

– Да?

– Осваивай одну из глеф. Начинай сразу же, как только закончишь с сортировкой. Во вторую глефу пусть лезет Баск.

– Баск? – в голосе азиата прозвучало отчетливое удивление.

– Баск. – кивнул я.

– Принято. Мой меч…

– У тебя есть одна стальная рука. – усмехнулся я. – Осваивайся.

– Есть!

Внутрь выделенного лично себе Шила я влезал с чувством, будто заново отращиваю себе роговой некогда потерянный и родной слой кожи. Этого чувства не объяснить. Не передать ни словами, ни эмоциями. Вход в боевой скафандр

был сзади и для новичка являлся крайне неудобным – ранец приподнимался, на спине разъезжались в стороны щитки, открывая узкий проход, куда не сразу и поймешь, как забираться. Я втиснулся мгновенно, сначала впихнув ноги, а затем нырнув головой, последней втянув жопу. Едва сенсоры опознали внутри живое тело, бортовая система тут же вышла на рабочую мощность, прогнала у меня перед глазами – на забральном экране – с десяток обнадеживающе зеленых оповещений касательно технической части, сообщила, что заряда маловато, а боекомплект отсутствует. Следом мы начали знакомство, закончившееся тем, что отныне, кроме меня, никто не сможет запустить конкретно этого экза. Для любого другого – это просто отлитая из стали и покрашенная в черный цвет уродливая скульптура.

Одно плохо – я не могу отдать экзу дистанционный приказ запускать и проверять системы или «вскрыться» для принятия моей гоблинской тушки. Все наше общение происходило с помощью двух сенсоров снаружи – основной и запасной, на случай повреждения первого. Плюс я врубил голосовое управление, что отчасти решило проблему. Остальное копание в небогатых настройках, рассчитанных на понимания даже полным кретином, происходило с помощью тактильных сенсоров в стальных перчатках. Схема управления вполне рабочая. Но пусть я этого не знаю наверняка, но буквально не до конца стертой подкоркой ощущаю, что раньше я подобной техникой управлял без помощи голоса, касаний и прочих доисторических способов. Чип. Не зря же у нас в тупых головах вшиты чипы. Я надеялся на некий симбиоз… но надежды не оправдались.

Поведя плечами, я сделал первый шаг, тут же второй, на ходу привыкая к характеру экзоскелета – а у него он имелся. Крутнулся, с трудом удержав равновесие, раздраженно выругался, убирая с экрана участливый вопрос: «Хотите пройти начальный инструктаж?» Сделав еще шаг, я перевалился через небольшую балюстраду и рухнул с крыши. Не обращая внимания на истошно заверещавший интерфейс, активировал ножные факелы, дернувшись, удержал равновесие с помощью ручных сопел и достаточно мягко приземлился на брусчатку. Не глядя на взвывших от восторга бойцов, в несколько коротких примерочных прыжков преодолел площадку и отправил себя в полет прямо к черным водам ночного океана. Покрытие моего экза – сталь, кевлар, полимеры. Он полностью герметичен – в теории. А как на практике, я сейчас и…

Еще до попадания в воду бортовая система определила тип среды, что сейчас примет нас в свои объятия и резко захлопнула все лишние заслонки, включая

сопла, заодно перейдя на крохотный внутренний запас воздуха. У всех изолированных от наружной среды экзов этот запас различен. Оператор Шила сможет продержаться под водой до семи – десяти минут. Если оператор обладает тренированный дыхалкой и холодными расчетливыми мозгами – продержится и двадцать минут. При наличии пары не предусмотренных стандартным набором приспособ – и того больше.

Дно тяжело ударило в стальные подошвы. Вспыхнул плечевой фонарь, высветив зеленоватую толщу воды и поднятое мной облако мути. Поерзав, убедился, что не ощущаю внутри присутствия воды. Системы так же ни о чем тревожном не оповещали. Сориентировавшись, я повернулся и по дну тяжело зашагал обратно, по пути заставив бортового помощника вырубить предательский фонарь и впредь не врубать его без моей команды. Заодно проредил список тех тревожных оповещений, что будут мне посылаться. Это отвлекает. А многих заставит запаниковать. Прошагав до основания острова, без особого удивления обнаружил на дне пару затонувших катеров. У одного уцелела застекленная рубка. Включив ненадолго фонарь, заглянул внутрь и увидел пару скелетированных тел на полу. Дыры в их лбах говорили о многом. Потушив свет, я обогнул катер, видя мир в тусклом зеленом мареве первичной системы ночного видения. Всего их три. Но прочие здесь либо неэффективны, либо требуют повышенных энергозатрат, чего я допускать не намерен. За катером я увидел скалистую стену, что окончится краем площадки, с которой я прыгнул. Но вот чего вряд ли найдешь в обычной подводной скальной стене, так это длинного панорамного окна. Я заглянул внутрь и не углядел там ничего интересного – обычное тускло освещенное помещение со стальными стенами, полом, потолком и лавками. Обычный обзорный пункт гребаных гномов.

Можно подождать. А когда появится подземный житель и любитель подводных красот, попытаться наладить контакт, затем построить диалог. И плевать, что гномы людей десятками и сотнями живьем в жертву сраным плуксам приносят. Как там вякала высокородная эльфийка? Всегда, мол, есть цивилизованные способы, и всегда можно построить грамотный диалог?

Ну нет. Хрен вам. Если бы не столь щедрая наводка на столь жирную цель вкупе со столь многообещающим главным системным заданием и невероятно заманчивой наградой за его выполнение… я бы уже стучал атомным хером в ваши обзорные окна, гребаные гномы. Бросив последний взгляд в преддверие подземного мира, я начал взбираться, легко цепляясь за выступы. Через пару минут я оказался над водой и с лязгом приземлился на площадку, вызвав новый

дикий вопль бойцов.

– Вернуться к учениям, гоблины! – рявкнул я, и мой усиленный динамиком голос прозвучал на весь остров – Живо!

Радостно оскалившись, бойцы продолжили стоять еще несколько секунд, пожирая меня жадными взглядами. Да. Шило это, конечно, не Ночная Гадюка, но все равно производит серьезное впечатление – горбатая мощная фигура с чуть великоватой головой, матовым щитком на месте глаз и гротескно вытянутой нижней частью «лица» – чем-то напоминает обломанное шило. Высота экза – двести пять сантиметров. Не так уж много, но благодаря широте плеч и броне, боевой скафандр кажется великаном.

– Рано или поздно каждый получит такой. – добавил я, двигаясь прочь. – Если доживет. А живучесть зависит от опыта. В этой жизни всего два пути. Либо вы мясо, либо мясник. Выбирайте сами.

Гоблины проводили меня улюлюкающим воем восторга. Не обратив на них внимания, я продолжил упражнения, решив взобраться на крышу по наружной стене. Без проблем выполнив поставленную задачу, увидел стаскивающих вниз ящики гоблинов и… активированную глефу. Забравшийся в пехотный экзоскелет Каппа отрабатывал боевые техники зажатым в правом манипуляторе мечом, нанося удар за ударом. Тяжелые ноги неуклюже переступали назад-вперед, меч со свистом резал воздух, оператор сохранял угрюмое молчание.

Хорошо…

Не став отвлекать мечника от старого дела на новый лад – но не позавидую тому, кто словит точный удар меча, нанесенный усиленным боевым экзом – я подцепил пару отложенных ящиков и снова спрыгнул, на этот раз потопав к пятачку, где стояли наши колесные трофеи. Там же обосновался Белый Гиппо – называющийся экзом по чистому недоразумению. Его бы следовало назвать малым шагоходом. Сгрузив ящик, я подошел к энерговоду и «вскрылся», постаравшись выбраться наружу за положенные по нормам три секунды. Почти получилось. Подключив Шило к зарядке, я развернулся к успевшим построить бойцам и дал отмашку – вольно. Я пришел сюда ради могущих понадобиться инструментов, тишины и моих боевых пожитков.

Пора заняться модернизацией игстрела. На это дело я потратил несколько часов – большей частью ушедших на возню с экзом, а не на игстрел, что проделал со мной путь от самой жопы мира, изрядно изменившись в пути. Благодаря моим отважным манипуляциям, игстрел стал тяжелее на четыре килограмма с лишним, что при наличии боевого экзоскелета не значило практически ничего. Игольная игрушка перестала быть таковой. Новая более емкая батарея увеличила количество выстрелов без подзарядки на сотню. Еще одна столь же увесистая батарея удвоила это количество. Обе они спрятались под толстым стальным корпусом, что заменил собой старый армированный пластиковый. Туда же вместился простенький девайс, позволивший сопрячь системы игольника с системой наведения, выведя мне на забрала прицельную метку. Благодаря замене трех блоков, игстрел стал стрелять процентов на двадцать дальше, сохранив при этом достойную убойность. Система подачи боеприпасов обзавелась двойным приемником, что позволяло одновременно заряжать два стозарядных картриджа – с одинаковым или различным типом игл. Я зарядил оба имеющихся – стандартные и зажигательные, а в набедренные боковые разгрузки запихнул еще по паре картриджей с зажигательными иглами. Учитывая тех тварей, что встретились нам… обжигающий огонь лишним не будет. Установив специальный держатель, я получил возможность намертво закрепить игстрел на правом предплечье, причем так, что он не мешал сгибаться и разгибаться руке. Еще одно крепление я установил на пояснице прямо под горбом. Но предплечье предпочтительней – я могу стрелять, не беря игстрел в руку и не касаясь спусковой скобы. Это раз. И два – короткий кабель в стальной оплетке соединил энергосистемы оружия и экза. Теперь, в случае истощения батарей экза, я смогу подрубить его системы к батареям игстрела. А можно и наоборот – запитать игстрел от экза. Все зависит от конкретной ситуации. Чуток подумав, я использовал еще один из навесных модулей – фонарь с различными опциями, которыми также мог управлять дистанционно. Яркость света варьировалась по мощности от детского ночника до ослепляюще армейского прожектора.

Свет и тьма – тоже оружие. Главное – грамотно их использовать.

Закончив с игстрелом, перешел к остальному. Заполнение внутренних термосов, куча мелких настроек, касающихся систем климат-контроля, отключения внутренней аптечки – от своей нагрудной пока отказываться не собирался, а дополнительная лишней не будет. Закрепление ножа, многократная проверка удобности хвата, следом тестирование выдвижного клинка в левом предплечье. Проверка и наполнение всем необходимым набедренных и нагрудных слотов хранения.

Умные системы экза открывали передо мной десятки сообщений. Часть я читал. Часть оставлял на потом. Кропотливо проверял состояние всех внутренних узлов, забрался в архивы, с сожалением убедившись, что все стерто подчистую.

Я… я обживался в экзе. Отныне Шило – мой дом родной. Я буду в нем жрать, спать и срать – благо нужные функции имеются. Я прогоню все возможные режимы, а затем заставлю сделать то же самое других операторов экзов.

Хотя может и заставлять не придется – глядя на мою возню, на мою мрачную сосредоточенность, делом занялось и звено Гиппо, принявшись обихаживать и без того обихоженный шагоход. Пока еще неуклюже притопавший Каппа понаблюдал… и начал задавать вопрос за вопросом, деловито осваиваясь и перенимая все, что возможно перенять касательно настроек, передвижения, вооружения и, что самое главное, касательно постоянного нахождения внутри экза.

Нет дела более легкого, чем убийство тупого оператора, что любит покинуть бронированную мобильную крепость по поводу и без. Как только вылезла из раскрывшейся стальной спины мясная потная жопа придурка – пли! Не обязательно стрелять в голову – хорошо положенная в жопу пуля порой пострашнее будет. Накрыл перед основной атакой нескольких операторов – и, считай, победил. Таковы реалии той войны, о которой моя стертая память не знает почти ничего – не считая наполненных мясной вонью и пороховой гарью обрывков.

Чтобы не стать одним из убитых через жопу…, надо думать. Надо быть умным. Осторожным. Параноидальным. Надо постоянно помнить – ты самая желанная цель для снайпера, не обладающего мощью оружия для пробивания брони экза. Снайпер терпелив. Он дождется, когда в прицел попадет податливая плоть. И вложит пулю если не в жопу, то в поясницу. Перебьет хребет. А добивать уже не надо – что с тебя толку? Ты отвоевал.

И поэтому надо быть терпеливей и умнее любого снайпера.

Можно ли «вскрыться» в этом месте? Или лучше спрятаться вон за тем деревом и только там уже позволить себе глоток свежего воздуха? Можно ли «вскрыться» рядом с беспечно валяющимися вокруг костерка соратниками… или лучше перетерпеть и подремать прямо внутри экзоскелета, предварительно

замаскировав его как следует, а лучше забраться в наспех выкопанную траншею…

Пароноидален ли я?

О да.

И с каждым днем это чувство становится все сильнее.

Улегшись на бронированную спину, я повысил степень затененности забрала, убирая лишний свет, но оставил микрофоны работающими на полную мощность. Кабель уходит в глубины мобильного торгмата, что в свою очередь подсоединен к энергосистемам мира. А вот нам напрямую нельзя – только через торгматы и прочие разрешенные точки. Еще одна странная замороченная степень безопасности? Или отрыжка древнего геройского прошлого? Уже не узнать и в любом случае плевать – благодаря почти беспрестанно выдаваемым от системы бонусам, весь отряд находится на бесплатном медицинском обеспечении, на халяву жрет протеиновые батончики, жадно глотает даровую шизу и нежно поглаживает уже давно никому ненужные подарочные дубины. Это же касается подзарядки – она бесплатна.

А по соседству от меня рядом с торгматом установлен массивный бронированный куб с несколькими ручками. Это очень тяжелая хреновина. Тяжелая и незаменимая – прямо в бою от этого хранилища можно запитать истощенные батареи. Можно и прикрыться бронированной батареей и вести из-за нее прицельный огонь, одновременно получая драгоценные ватты энергии.

Да.

Эльфийка постаралась.

Посмотрим, что получится у Рокса.

А пока я позволю себе вздремнуть несколько часов – в любом случае впереди долгий поход. А насколько долгим и тяжелым он окажется, зависит только и только от Рокса…

Проснулся я через пять часов. Ночь. Шум, гам, звон, звуки выстрелов не затихают – гоблины продолжают тренироваться. Но меня пробудил не этот привычный фон. Меня разбудил передатчик, что усталым голосом Джоранн произнес долгожданные слова:

– Командир, подъем. Засекла их на экране. Шлюха прет к нам полным ходом вдоль побережья. Думаю, Сквалыга уже на подходе – я специально выждала, давая тебе поспать.

– Какая забота. – сипло произнеся я, активируя базовую команду, и боевой экзоскелет отсоединил и втянул подзарядочную пуповину, после чего тут же поднял себя. Тут главный фокус – полностью расслабиться, превратиться на миг в безвольную мясную начинку этой консервной банки. Если напряжешь мышцы, и внутренние датчики засекут это, они тут же остановят выполнение приказа – иначе не желающему сгибать ноги оператору может и мышцы порвать.

С легким гулом поднявшись из лежащего положения, я развернулся и зашагал к навесу, где хранились мои пожитки.

– Приказы, командир?

– Все по плану.

– Выбранные тобой боевые десятки и экзы – на корабль. Туда же всю обозную важную хрень из того, что не упер с собой Рокс. Остальные – оборона до дальнейших приказов и мониторинг экрана и окружающей местности. Протокол для остающихся – внешняя среда враждебна.

– Верно.

– Выполняю.

– Баск?

– Тренировался с экзом. Отрубился у подзарядки на другой стороне здания. Разбужу его через несколько минут. Командир…

– Да?

– Все же оставляешь меня здесь?

– И без возражений. – проворчал я. – Поставленную задачу помнишь?

– Я комендант базы. И главная подружки эльфийки… если она сюда явится.

– Явится, – усмехнулся я. – Обязательно явится. Твоя задача – выбить для нас еще пару экзов.

– Принято. – вздохнула рыжая. – Лид… пригляди за Хванчиком.

– Его костяная жопа – его забота. – буркнул я. – Хватит строить из себя заботливую мамашу. Начинай оповещать десятников.

– Есть…

Из повисшей над шумящим океаном темноты донесся пронзительный корабельный гудок – прущий к музейному архипелагу Джо Сквалыга торопился заявить о себе и похвалиться своей расторопностью. Рокс со своей задачей справился.

Мой выбор был очевиден – уверен, что хрен система согласится прокатить нас на воздушном транспорте до Зомбилэнда. Она вообще не хочет слушать мои слова и пропускает мимо машинных ушей факты – что само по себе удивительно.

Попробую еще раз…

Одним прыжком взлетев на крышу центрального здания, сжимая в стальных пальцах заменивший собой рюкзак вместительный мешок, весящий под центнер, я остановился рядом с системной полусферой. Мне в грудь тут же уперся желтый лазерный луч.

– Дикая эволюция. – произнес я, зная, что меня прекрасно слышат. – Нападающий на поселения дикие призмы, что прошли многократную эволюцию, приходят из места, известного как Мир Монстров, закрытого приказом Первого

Высшего десятки лет тому назад…

Желтый луч мигнул и погас. Перед глазами повисло равнодушное оповещение: «Мир монстров – не существует».

– Охренеть! – рыкнул я. – Хрен с ним, амнезия… но тут тупо неприятие реальности! Система! Я выполнил твое задание! Где моя награда? Черная Гадюка! Я отыскал место, где происходит дикая эволюция. Более того – несколько пленных было отправлено тебе на допрос. Хотя они наверняка сдохли…

Тишина и мрак… Система упорно не желала ничего слышать про несуществующий для нее Мир Монстров.

– Система! Дикая эволюция!

В меня уперся желтый лазерный луч…

– Мир Монстров…

Луч погас…

– С-с-сука! – с выражением произнес я и двинулся прочь. – Ладно. Посмотрим, как ты прореагируешь, когда я тебе звякну из места, что не существует… Но как же я буду, сука, ржать, если тебе оттуда не дозвониться…

– И что тогда мы сделаем, командир? – с любопытством спросил возникший из темноты уродливый призм.

Глянув на Хвана, я хмыкнул, закидывая мешок на плечо:

– На месте разберемся.

– Нам нужна путеводная зверушка.

– Ага.

– Любая.

– Ага.

– И как мы ее заберем у сурверов?

– Быстро и безжалостно.

– Нас в Зомбилэнд и не пустят, лид.

– Пустят, не пустят… меньше сомнений, гнида. Ты забыл? Ты насекомое. Боевой жук. А они сомнений не знают. Или ты гоблин?

– В жопу мясных и кожаных, лид. Я призм с костяной жопой и стальным сердцем.

– Так лучше.

– Таким, как я, экз не положен?

– Завидно?

– Очень.

– Посмотрим, – проворчал я, готовясь к прыжку на подходящее к острову судно с зажженными огнями. – Посмотрим.

Прыжок пронес меня над поблескивающей в свете искусственной луны водой, и я с лязгом приземлился на носу Шлюхи.

– Мать твою! – взревел перепугано шарахнувший от меня Сквалыга. – Что за?!

– Здорово, Джо, – проскрипел я засбоившим динамиком, роняя мешок на палубу. – Продолжаешь насасывать подводным гномам?

– В жопу гномов! Я теперь честный торговец и экскурсовод!

– Швартуйся. – усмехнулся я, давая забралу команду открыться. – И расскажи о новостях, пока идет погрузка.

– О зверушках, птичках и потрахушках?

– В сраку.

– О климате в Угольке?

– Давай.

– Отличная тема! – заулыбался потирающий руку торгаш. – Дерябнем по стаканчику?

– Давай. – кивнул я, делая шаг к металлической лестнице. – Дерябнем…

Глава вторая

Первым на Платформу выпрыгнул Баск. И даже сумел удержаться на ногах, сделав всего пару лишних шагов. Поведя вмонтированным в руку дробовиком, он изрядно напугал разбежавшихся местных гоблинов, что до этого с позевыванием наблюдали за приближением корабля.

Вторым приземлился Каппа – и у него получилось чуть лучше. Я прыгнул выше и дальше, пролетев над крышей из металла и угодив в знакомый световой люк, что привел меня прямо в бар, где я лишь чудом разминулся с богато накрытым праздничным столом. Развернувшись, поднял забрало.

– Ты подвела меня, гадалка! – ткнул я пальцем в стоящую у стола улыбающуюся пифию Кассандру. – Где гребаный мишка и трахнутый в мохнатую жопу зверолюд?!

– Красиво ты в гости зашел… Добро пожаловать, Оди. Рада тебе. Честно. Вина? Компота с самогоном?

– Ну?!

– Мы почти поймали его. – вздохнула Кассандра, делая глоток янтарно-алой жидкости из высокого бокала – Дерьмо! Не поверишь – мои люди клянутся, что загнали лохматожопого ушлепка в тупик. Руины, крошенный бетон и ржавая арматура. Кольцо выровненного ветром мелкого песка вокруг. Зверолюд вошел… и, сука, не вышел. Пропал! Как ты вообще, Оди? Рада тебя видеть. Навернешь макарон со страусятиной? Кстати… шикарный на тебе праздничный костюм… и так подчеркивает ягодицы…

– Владыка Кассандра! – в бар вбежал тощий гоблиненок в серых шортах и в футболке, изобилующей нашитыми разноцветными бабочками. – Дерьмоеды мутные уже причалили! Ой… здрасте, гости дорогие!..

Ухватив его за харю, стиснув пальцы, я подтащил заверещавшего ушлепка поближе и мягко попросил:

– Свали нахер.

– Умгу!

Швырнув его через пару столиков, я снова повернулся к лучезарно улыбающейся пифии, что вроде как схуднула на пару кило, но при этом прибавила к имиджу пару тонн железобетонной самоуверенности.

– Я честно не знаю, куда делся сраный зверолюд с его трахнутым плюшевым мишкой.

– Он ушел сквозь дверь. – произнес я, заставив себя сбавить обороты и отвернуться от двери, за которой начинался длинный проход, что выходил на центральную улицу Жильную, что в свою очередь упиралась во входной стальной тамбур Зомбилэнда – за которым сидели и ждали меня сурверы со зверушками, открывающими путь.

– Зачем ты здесь?

Ответить я не успел – в бар один за другим начали вваливаться десятники, а мимо потопали бойцы, тащившие часть прихваченных припасов. Основной запас остался на Шлюхе – ее я пока отпускать не собирался. Сквалыга к приказу отнесся с пониманием, мелко покивав и не забыв напомнить, насколько он мне благодарен, что я его не убил.

– Пожрем. – потер лапы Рэк. – Выпьем. Разнесем тут все нахрен.

– Уймитесь, мальчики, – прищурилась пифия. – Покушайте, потрахайтесь в борделе. Все за счет города.

– Свершилось. – поморщился я. – Новая Копула родилась…

– Ты о чем?

– Дай угадаю – ты решила задержаться в Угольке на пару другую месяцев. Набраться сил, пополнить численность бойцов, обзавестись достойным арсеналом. И заодно навести порядок в этом городке…

– Ну… в последнее время Мать шлет мне очень неспокойные видения. – вдруг призналась Кассандра. – Охренеть, насколько тревожные.

– Например?

– Да ты садись, гоблин Оди. Садись. Поешь крабового супа, закуси куриной жопкой, всоси пару устриц. А я тебя буду пугать своими видениями…

– Неплохое меню. – решил я, опускаясь на колено и «вскрываясь». – Ладно… Расскажи мне о своей шизофрении, пифия, что упустила сраного зверолюда Стива…

– Да в жопу. – скривилась леди с бабочками, махом вливая в себя коктейль и давая знак во все глаза пялящемуся на экзов бармену сделать новый. – Мои видения… страшны… настолько страшны, что ни о какой спокойной жизни речи давно не идет.

Глянув на стойку, я оценил явно увеличившийся ассортимент, после чего указал на едва виднеющийся кувшин у руки бармена и спросил:

– Молоко?

– Свежее. Козлиное. В смысле – от коз. Козлы не стряхивали. Налить?

Я прислушался к своим более чем странным ощущениям и кивнул:

– Весь кувшин. Раствори в молоке две таблетки обычной шизы, добавь дозу оранжевого энергетика и булькни туда же таблетку витаминов. Найдется?

– Конечно. Добавить четвертинку слезы как ментальную перчинку?

– Давай.

– Подам через минуту.

– Мне вот, сука, точно такой же молочный коктейль! – в проем двери засунул усатую харю Тигр.

На пару секунд исчезнув, он матерно и доходчиво дал понять остальным разведчикам, куда и как быстро следует направляться, и где именно находится ожидающий их у платформы Рокс. В этот момент в бар грациозно просочилась почти обнаженная – не считая меха – тигрица. Медленно обойдя вокруг пифии, она клыкасто улыбнулась невозмутимому бармену:

– Я тоже молочка полакаю. Только без соленой шизы. Капни на одну слезинку больше в молоко. Хм…еще вишневого сиропа добавить можно, туда же разбей пару свежих яиц, если есть… и взбей все до галлюциногенной пенки…

– Сделаем, госпожа. Подам через пару минут. Как и заказанный до этого усатым джентльменом молочный коктейль.

Усевшись за стол, я еще раз пристально оглядел Кассандру, что выглядела куда более расслабленной, преуспевающей, но при этом какой-то слегка пришибленной и… испуганной.

– Ты же новая правительница… – задумчиво произнес я. – С чего такой напряг в душе? В Угольке тебя любят. Каждый готов отлизать все видимое и невидимое сумасшедшей леди с бабочками. Синего света тоже пока можно не бояться. К зомбакам и гнилой крови ты привыкла. С чего такой испуг в глазах, пифия? С чего такой напряг в душе? Только не говори, что все из-за посылаемых системой…

– Видений…

– Причудливо нарезанных видеороликов. – поправил ее я. – Железяка тебе не мать, а записи с камер наблюдений – не видения.

– Мать посылает мне видения! – упрямо повторила Кассандра. – И не только мне.

– Интересно. – признал я, протягивая руку и принимая от бармена кувшин с чуть позеленелым от добавок молоком.

– А если я жрать пока не хочу? – встрял сидящий рядом со мной Рэк. Находящийся за моим плечом Каппа позволил себе едва слышный тяжелый вздох, умудрившись этим бессловесным посланием передать мне многое.

– Манит трах прекрасный и далекий? – поинтересовался я, встречаясь глазами с улыбающейся знакомой мордашкой продавщицы сигарет. Я упорно искал еще одно женское лицо, но пока не находил. Учитывая, что здесь нет Баска, оставившего экза и с моего молчаливого разрешения ушедшего, Йорку здесь можно не искать.

– Манит. – признался орк.

– Валите. – кивнул я. – Оба. Трахайтесь, гоблины. Но никакой наркоты и бухла.

– А если четвертинку?

– Не больше этого на рыло. – согласился я и добавил: – Остальных гоблинов, желающих теплого уютного траха – в тот же бордель. На охране оставить звено хиляков.

– Есть!

Бойцы утопали, а пифия, уже раздосадованная тем, что ее постоянно прерывали, недовольно пробурчала:

– Звено хиляков?

– Худшие из сквада. – ответил я. – Те, кто пока не дотягивает даже до звания «мясо».

– Бегают херово, стреляют мимо, одышливы, трусоваты, туповаты…

– Ну да.

– Так зачем привез их? Рокс говорил, что у вас теперь база, и вы ведете набор чуть ли не армии.

– Верно.

– Так оставил бы самых никчемных и зеленых на базе.

– Оставить говно в обороне? – сделав пару глотков молока, я удивленно глянул на пифию. – Спятила? Нет уж.

– Ну… может я привыкла к тому, что Уголек защищен Матерью…

– Ты размякла. – кивнул я.

– О видениях…

– Погоди чуток с видениями своими фальшивыми. – проворчал я и ткнул пальцем в тарелку перед пифией: – Это что за хренотень?

Опустив глаза, она сморгнула с щеки фантомную бабочку и некоторое время удивленно разглядывала сложенную в какую-то причудливую коробочку без крышки кусочки различного мяса. Полоски жареной свинины с подрумяненным

жирком лежали на более темных кусочках говядины, с внешней стороны их подпирали куриные ножки, в одном месте красовался крохотный треугольный проем, образованный большим куриным крылом. Руки Кассандры, удивительно умело управляясь с крохотным острым ножом, сейчас были заняты срезанием с очередного куска свинины слоя похрустывающей корочки, явно намереваясь использовать ее либо в качестве мясной сочащейся лужайки, либо в качестве крыши. У ее локтя стояло блюдо с беспорядочно набросанным мясным ассорти – куриная шейка, хребет кролика, а сама Кассандра нет-нет да бросала взгляд на грустно смотрящую на нее целиком запеченную баранью голову.

– Хренотень? – переспросила пифия, поднимая на меня ставший вдруг чуть отстраненным и темным взгляд. – Это мой обед, гоблин. В чем проблема?

– Да нет проблем. – дернул я плечом.

– Ну и закрыли тему!

– Ага. А можно мне кусочек твоего домика? – я потянул к тарелке пифии и Кассандра мгновенно отодвинула ее от меня, прикрыла локтем и зло оскалилась:

– Тебе мало жратвы на столе? Я прикажу – принесут еще!

– Да не, – улыбнулся я, – все норм. Жратвы навалом.

Она явно не осознавала, что сейчас ее губы искривлены в злом уродливом оскале, обнажившем белые зубы. Тихо зашипев, севшая рядом со мной Тигрелла инстинктивно чуть отодвинулась от пифии, передернула плечами и зло заурчала.

Какая интересная беседа двух кошек…

– Так что за видения, Кассандра? – прервал я повисшее молчание. – Ну? Давай. Колись.

– Умеешь ты вывести из себя… – ответила Кассандра, сглотнув и с трудом вернув на губы приветливую улыбку.

По ее разгладившемуся лицу тревожно метались десятки исключительно красных бабочек. От левого виска, через все лицо, к правому уголку рта, медленно пролетела крохотна черная, исчезнув во рту Кассандры. Сделав глубокий вдох, пифия улыбнулась чуть шире:

– И надо было тебе тянуться к моей скудной трапезе…

– Мы чересчур много говорим о твоей жратве. – тряхнул я головой. – Что с видениями? Или я пошел – впереди куча дел.

– Погоди ты! – окрысилась пифия, что вернула себе обычное поведение. – И нехер на меня злиться, гоблин! Ты сам на подарок! Вручи такое говно, как ты, любой бабе и скажи ей – живи с этим! – она, сука, сама себя в мясорубке прокрутит! И с радостью начнет прокручиваться с ног, с улыбкой глядя на влажный процесс ухода из твоей жизни. Понял, ушлепок?!

– Понял. – кивнул я. – Я говно, а не подарок. А почему такая аналогия с уходом бабы? Почему именно мясорубка? Почему именно в мясо… в сочный фарш? Почему ей – этой моей несуществующей бабе – просто нельзя было уйти, громко хлопнув дверью? Или не выпрыгнуть в окно… почему именно мясорубка и фарш? И почему не головой в мясорубку, чтобы сразу, а ногами? М?

– Хватит цепляться к шутке!

– Ну да. Рассказывай.

– Видения… – тяжело вздохнув, пифия в несколько глотков ополовинила очередной бокал, задержала взгляд на тарелке перед собой. – Они меняют меня, Оди. Может поэтому я стала такая злая… нервная… даже жестокая. Вчера я разбила лицо юной девчонке, что слишком резко открыла штору в моей спальне, впуская свет в барак… я била и била, сминая нос, рассекая брови, разбивая губы… и не могла остановиться. Дерьмо! А что я могла поделать, если до этого как минимум половину ночи провела в жутких, сука, кошмарах! Подушка в слезах! Простыне в моче – да! Я, взрослая здоровая баба напрудила в постель от страха! От ужаса!

– Хм…

– Не спросишь, что теперь с той несчастной избитой мной девчонкой?

– Не спрошу. Что же такое страшное тебе показали, пифия? Узрела сидящее перед мерцающим экраном стадо оболваненных гоблинов, жующих попкорн и радостно смотрящих очередной бесконечный сериал? Узрела себя среди улыбчивых ушлепков, разглядывающих последнего в мире гепарда, забившегося в самый темный угол стеклянной клетки зоопарка? И поняла, что ты вдруг стала одной из них? Так кто бы не обоссался? Я бы первый зарыдал… ведь таким, как они, даже память стирать не надо – она все равно пуста. Там нет ничего, что стоило бы стирать…

– Ты стал разговорчивей… злее… болтливей даже. Из тебя прямо прет что-то этакое… злое, насмешливое, неуважительное ко всему и всем сразу.

– Это сегодня. – признался я, растянув губы в мокрой от усиленного химией молока усмешке. – Я… я едва заставляю себя сидеть на месте, пифия.

– Что-то случилось?

– Что-то случилось. – кивнул я.

– Вроде… прорыва в твоем вечном пути?

– Вечном?

– А ты когда-нибудь остановишься? У тебя вообще были хотя бы одни сутки, когда ты просто нихрена не делал?

– Зачем?

– Так прорыв есть?

– Может быть.

– До нас дошли безумные слухи о том, что ты заживо сжег целую религиозную секту каких-то амм… хрен его знает, как там дальше.

– Что с видениями?

– И обзавелся новыми бойцами… а еще экзоскелетами…

– Ты вдруг начала избегать темы…

– Страшно. – тяжело сглотнула пифия. – И ведь в этих видениях на самом деле нет ничего такого!

– Давай к сути.

– К сути? Чаще всего я вижу морозильник. Око Матери расположено где-то в верхнем углу огромного морозильника с третьесортным человеческим мясом.

– Уточни.

– Тела. Живые спящие тела.

– А почему третьесортным?

– Да это я еще лестно о них. – поморщилась Кассандра.

– Ампутанты?

– Нет. Без руки или без ноги встречаются, но в целом при них полный комплект. Но они… жирные, отекшие… мужики и бабы неопределенного возраста, с огромными животами, непомерными жопами и целлюлитными ляжками, свисают с потолка, рядами лежат на чуть ли не бесконечных полках. Среди них и явные иссушенные наркоманы попадаются. Короче – я вижу замороженный обнаженный сброд.

– И? Что в этом страшного? Увидела среди них себя?

– Да хватит! Нет! Не увидела! Я вижу то, что видит Мать. И увиденное напугало меня – вода!

– Вода? – я подался вперед, отставил опустевший кувшин и подтащил к себе блюдо с жареной курицей.

– В морозильнике не должно быть воды, Оди. Но она там есть – покрывает собой пол. Сначала, в первом видении, воды было немного. Может, по щиколотку. В следующем воды стало уже по колено. В третьем… самом страшном, наверное, вода поднялась до нижних полок и… накрыла собой лежащие там нагие тела.

– Головы? – жуя, деловито уточнил я.

– Именно. И головы. Они… я хоть и говорю, что это морозилка, но на самом деле они ведь живые. Это не промороженные субпродукты. Они спят. Спали… поднявшаяся вода накрыла их головы, лица. И они вяло задергались… понимаешь?

– Даже в таком состоянии нужен воздух для дыхания?

– Да. Наверное, они делают один вдох раз в минут десять. Может, и того реже. Но следующий вдох загнал в их легкие мутную воду. А ведь если они так медленно живут… то и умирают столь же медленно. Одна женщина… разбухшая от жиров еще при жизни, с огромными расползшимися по груди и бокам сиськами, с огромным пузом… она медленно и упорно дергалась под водой раз за разом… пыталась дышать…

– Хм…

– Страшней всего то, что в следующий раз я снова вижу этот морозильник. Вижу, как затихли захлебнувшиеся нижние ряды – а их там сотни. Сотни людей, Оди! А вода все выше! С каждым днем! Ее приток замедлился, но еще пара дней – и покрытая ледяным крошевом вода накроет следующий ярус полок. И мне снова придется наблюдать как медленно захлебываются люди, как они на инстинктах пытаются сморгнуть липнущий к векам лед, как дрожат их губы под водой… Каждую, сука, ночь я вижу это….

– И это все? – бесстрастно поинтересовался я, выплюнув на тарелку обглоданную кость.

– Нет. Еще я вижу стену. Обычную стальную стену. В стене намертво заваренный люк. Но кое-где остались щели – и из этих щелей медленно сочится вода. А сама стена… она дрожит, вибрирует. Такое ощущение, что с той стороны на нее давит чудовищная сила. Рано или поздно произойдет что-то страшное…

– Что еще?

– Зомби во тьме. Темные стальные коридоры, перепуганные крики, рычание уже матерых зомбаков, что разгуливают по этим коридорам с абсолютным спокойствием истинных хозяев. Каждый раз это видение посылается мне Матерью не просто так – происходит акт рождения.

– Уточни-ка…

– Это что-то вроде исторгшей тебя жопы мира, гоблин, – попыталась улыбнуться пифия. – Я так думаю.

– Окраина? Подземный город? Вроде Дренажтауна?

– Наверное… очень похоже.

– И там бродят зомбаки?

– Да. Которых там быть вроде как и не должно.

– Там всегда были только плуксы. – задумчиво кивнул я. – А плуксы могут быть куда страшнее зомбаков. И эти чешуйчатые твари сожрут любого зомбака с потрохами.

– Может и так. Но я там плуксов не видела. Зато каждый раз смотрю как сталь рождает плоть – в стене открывается люк, из него чуть ли не выплевывают дрожащее тело с номером на груди и со шрамами на плечах и бедрах. Тело трясется некоторое время… его колотит дикая дрожь… ничего не напоминает?

– Я был рожден в этом мире именно так.

– Я тоже так подумала…

– Так рождаются добровольно низшие. – добавил я. – Хм… и?

– А дальше приходят зомби. Двое, трое, иногда целая толпа. Они садятся на корточки над еще не пришедшим в себя гоблином и начинают его неспешно жрать, отрывая за раз по сочному кусочку и тщательно прожевывая. Если гоблин везучий – он умирает от болевого шока и кровопотери, не приходя в себя. Если гоблин совсем уж невезучий… он верещит, слабо дергается, а в это время кто-то жует его губы и нос, а третий уже тянется к его вкусным выпученным глазам.

– Ясно…

– Такие вот, сука, у меня видения, гоблин! Каждый день! Я боюсь ложиться спать… и ведь вроде я ко всему привычная. Меня ведь таким не пронять. Но оказалось – еще как пронять.

– Во сне мы слабее. – произнес Тигр, впервые нарушив молчание с тех пор, как приналег на пиршественные угощения. – Во сне мы – не мы. Я вижу себя во сне человеком, а не зверолюдом. Во снах я боюсь лезущих в окна огромных крыс. А в реальности я этих крыс радостно жру, и мне вкусно – а им страшно.

– Я бухаю каждый день. – продолжила Кассандра. – И каждый день я молю Мать, чтобы она либо пояснила эти видения, либо направила меня в нужное место. Я молю о наставлении. Но Мать молчит. А я глотаю таблетки, запиваю самогоном с клюквой. И боюсь прихода того момента, когда я уже не смогу не спать… я расклеилась, Оди. Я уже собиралась рвануть куда угодно отсюда… и тут пришли вести, что знаменитый сраный герой Оди возвращается в город.

– Я здесь не поэтому.

– Да я понимаю. Но…

– Но?

– Возьмешь меня с собой?

– Куда?

– Да куда, нахрен, угодно!

– Тебя и твой сквад?

– Нет. Их оставлю здесь. – покачала головой Кассандра. – Без обид, Оди, … но я не хочу посылать своих бойцов на смерть. Я покину сквад. Примкну к тебе. Рядовым, если придется. Если считаешь нужным – назначь меня лидером десятка. Я умею выполнять приказы.

– И что тебе это даст?

– Если оставить все как есть, если я продолжу жить здесь и во время каждого сна – будь он днем или ночью – видеть эти видения… я сойду с ума, Оди. Я уже чувствую в себе нелады. Я уже давно не слышу своих бабочек… Так что скажешь, гоблин? Возьмешь безумную пророчицу к себе?

– Рядовым, – кивнул я, поднимаясь. – Пока что. Но стоит ли менять сытую жизнь с кошмарами на быструю смерть?

– Лучше сдохнуть, чем спятить.

– Твой выбор. – пожал я плечами. – Пошли прогуляемся, владычица Уголька, пока ты еще не стала рядовым мясом.

– Куда?

– Обсервер. – улыбнулся я, прихватывая с собой бутерброд, накрытый подушкой из крохотных переплетенных рыбешек. – Хочу поглядеть на Зомбилэнд изнутри. Освежить его план.

– Мать не пустит тебя внутрь. Может даже не пустить в Обсервер.

– Вот и проверим, – буркнул я, покидая бар. – Вот и проверим…

– Так зачем ты здесь? Рокс жрет страусятину и загадочно отмалчивается. Попыталась его напоить, но он меня в этом деле ушатал. Что за тайны?

– Узнаешь по ходу дела. Шагай быстрей, пифия. И хватит бухать.

– Это совет?

– Это приказ.

– Хм…

– Приказ услышан и принят? Или начнешь вести себя как избалованная сука, привыкшая командовать, но не подчиняться? Решай сейчас.

– Приказ услышан и принят, командир, – грустно улыбнулась Кассандра. – Статус правительницы города? Да. Это было весело и приятно. Пока не начались видения. В жопу статус. Я рядовая гоблинша из отряда отморозка Оди. И этим все сказано.

– Ладно. – принял я этот ответ, сделав вид, что не заметил искры недовольства, мелькающие в ее воспаленных чуток глазах. – С наркотой ты тоже в завязке. Пока я не скажу.

– Лазеек не оставляешь, гоблин…

– Это же касается приема энергетиков и любых других химикатов и медикаментов, помогающих добавить бодрости и отсрочить сон.

– Охренеть…

– Я не откажусь от еще одного бойца. Но мне нахрен не нужна боящаяся спать визгливая наркоманка с трясущимися руками.

– Ладно… И не так уж трясутся у меня руки.

– Увидим на стрельбах. Ты говорила – видения приходят не только тебе.

– А я думала ты мимо ушей пропустил.

– Ну?

– Бродосы ушли вчера обратно по Тропе. Я ужинала с ними. Спрашивала, чем помочь, поделилась консервами и прочим. Ты в курсе, что бродосов стали снабжать чуток хуже обычного?

– Нет.

– А это так. Их поставки стали реже. По первому требованию уже не прилетают дроны с грузом боеприпасов и медикаментов. Ассортимент в торговых автоматах не обновлялся уже почти неделю – хотя все слоты выкуплены.

– Это новость.

– Ага. Хреновая такая новость. Они кормятся охотой. Но убив вепря, ты получишь только мясо, шкуру и кучу возни. И не сумеешь выбить из дикой свиной жопы пачку бинтов, упаковку аспирина или хотя бы чистые трусы. Я подарила бродосам пару ящиков разной мелочевки – такой, которую не замечаешь ровно до тех пор, пока она срочно не потребуется. И такая хрень не только с этим табором дорожных вергов. У всех так! Это мне тоже бродосы рассказали.

– Разладилось снабжение вечных охранников Чистой Тропы? Дерьмо.

– Дерьмо. – согласилась поморщившаяся от лучей солнца Кассандра, доставая из поясной сумки с бабочками солнцезащитные очки. – Еще тропники поведали мне, что три дня назад вышибла себе мозги путешествующая пифия Венноза. Я много о ней слышала – древняя мудрая старуха, что почти всю жизнь провела в путешествиях. Отличалась своей добротой, умом, спокойствием. Ага… она сначала пристрелила юного любовничка, а затем приставила ствол дробовика под подбородок и с радостной улыбкой нажала на курок, снеся себе к хренам башку залпом картечи. Все случилось на одном из пятачков безопасности у Тропы, и бродосы узнали одними из первых. Знаешь, что примечательно?

– Удиви.

– Судя по месту происшествия – это километрах в шестидесяти от Уголька. Пифия Венноза двигалась сюда.

– К тебе?

– Наверняка.

– Слет медленно сходящих с ума пифий? Что бы ей дала встреча с тобой?

– Не знаю. Но я бы предложила ей неплохой рецепт из саке, энергетиков и изумрудных слез – неплохо так вырубает часов на шесть, блокируя видения. Но на следующий день безумно хреново…

– Странно. – я задумчиво глянул на идущую рядом пифию. При свете дня стало видно, что похудела она гораздо сильнее, чем на пару килограмм. Одежда болталась на ней как на вешалке. Шагая, Кассандра вытаскивала из поясной сумки пакетик за пакетиком, вскоре нагребя целые пригоршни шизы, энергетиков, бутылочек с бухлом от Бункерснаба и колбочку с эльфийскими слезами.

Протянув руки, я забрал все это добро, на ходу рассортировал, раздав десятникам все ненужное. Себе оставил только слезы, убрав их в набедренный карман. Горько вздохнув, пифия с трудом заставила себя отвернуться и переспросила:

– Что странного?

– Какого хрена одна боящаяся спать пифия будет стремиться к другой? Ты ничем не можешь ей помочь. Даже убойный рецепт не будет работать вечно. Второе – зачем вообще себя убивать?

– Чтобы не сойти с ума! Ты не представляешь, каково это! Гоблин! Это тебе не просто на сраном экране смотреть сраные жуткие ролики! Когда видения приходят во сне… ты будто сам там! Понимаешь? Каждый раз я ощущаю, что стою перед этой готовой лопнуть стальной стеной с подтекающим люком! Я жду удара! Я сижу на одной из полок рядом с этими жирными третьесортными хрененососами и смотрю как поднимается вода к моим ногам! Жду, когда начну захлебываться! И знаешь, что? Когда вода поднимется до камеры наблюдения – я буду видеть все так, будто уже нахожусь под водой! Это кошмар, мать его!

– Так бы сразу и сказала, – кивнул я с еще большей задумчивостью. – Видения кажутся реальностью, а не простыми видеороликами на экране.

– Да! Невозможно дистанцииироваться. Невозможно смотреть отстраненно… я там! Камера укрупняет изображение – и я долбанные десять минут пялюсь на то, как медленно умирает жирная тетка с венозными сиськами!

– Говоря о венозности… эта другая пифия…

– Ну?

– Почему она не отказалась от статуса пифии?

– Это невозможно. – покачала головой Кассандра. – Умения даются Матерью навсегда. Я уже пыталась, если честно…

– Ладно. Тогда второй вариант. Почему она попросту не сдалась системе после убийства любовника?

– Не поняла…

– Что тут, сука, непонятного? Совершила преступление – сдайся системе. Тебе обрубят конечности, сотрут память, превратят в призма. Да, жизнь потом будет несладкой – хрен его знает, куда тебя забросит и в кого превратит. А могут и на рыбью наживку пустить. Но при этом – все лучше, чем вышибать себе мозги картечью. Ты мой намек схавала, пифия?

Короткий кивок показал, что Кассандра меня услышала. Не просто услышала – она поняла, о чем говорило ее резко посветлевшее лицо и последующие слова:

– Су-у-у-у-ука… в конце гребаного тоннеля все же есть свет… пусть мрачный – но свет. Есть выход!

– Ага. – кивнул я. – Если поймешь, что вот-вот мозги не выдержат – сдавайся. Можешь даже никого не убивать – явись с повинной, заяви о любом из своих прошлых темных грешков. И система превратит тебя в ничего не помнящего призма.

– А с чего ты взял, что у меня есть темные грешки?

– Они есть у всех. А это что за дерьмо?

Я глядел на бетонное покрытие Жильной улицы – повсюду разноцветные и порой жутко корявые рисунки бабочек. Такие же сомнительные украшения появились на стенах барака.

– Жители любят меня. – пожала плечами пифия.

– Уже ходят с лампочками в жопах под прозрачными дождевиками?

– Не поняла?

– Здорово, Эйжоп, – кивнул я вынырнувшему из переулка старому знакомцу. – Как заработки?

– Карл я! Карл! Привет, герой! Дай обнять!

– Отвали.

– Рад! Рад тебе! И наслышан! – ничуть не смутился устроитель здешних боев. – Если вдруг решишь выйти на арену – я организую все в лучшем виде!

– Арену?

– Госпожа Кассандра, – Эйжоп ловко поклонился пифии, – устроила нам настоящую арену с трибунами!

– А что на это сказала система?

– Госпожа Кассандра все уладила!

– Я пояснила Матери, что это тренировочные бои по обоюдному согласию всех участников. Помогают повысить боевые умения, моральный дух и прочее.

– Ага. И благотворно влияют на потенцию.

– Что-то в этом роде.

– Увидимся, герой! – крикнул оставшийся позади Эйжоп.

Я махнул ему рукой, но он этого уже не увидел – замерев на месте, он изумленно наблюдал за тем, как по улице шагает боевой экз, скрывающий в себе Каппу, что почему-то решил на этот раз проигнорировать бордель. За ним тащилась небольшая стальная тележка, на которой сидел опустившийся на колено мой экзоскелет. Я не стал натягивать на себя вторую стальную кожу – для начала выясню, как отнесется система к моему приближению к Зомбилэнду в «нормальном» виде. Повернув голову, я кивнул стоящему в дверях лавки Жабе. Тот молча кивнул в ответ, показал оттопыренный большой палец. А я уже глядел только вперед – на мрачную стену Зомбилэнда, что с каждым моим шагом к ней становилась все ближе и неприступней.

К самим стальным дверям тамбура – приоткрытым ровно настолько, чтобы внутрь могли войти несколько толпящихся у порога смерти сквадов – я подходить не стал. Мельком изучив переминающихся гоблинов, облаченных удивительно неплохо, я перевел вопрошающий взгляд на улыбающуюся пифию.

– Я ужесточила условия прохода. – пояснила она. – Во-первых, без собеседования со мной или одним из моих капитанов внутрь Зомбилэнда новичкам не попасть. Мы найдем способ остановить самых наглых и ретивых. Во-вторых, они теперь обязаны не только услышать наши советы, но и принять их к сведению. Никакого смешного оружия, никаких сучьих геройских плащей, никаких придурошных тактик. Все строго по правилам, что были выведены нами из собственного боевого опыта. В-третьих, больше нет ситуаций, когда в одном и том же заход в Зомбилэнд присутствуют только новички – я решила, что из пяти входящих отрядов только два могут быть «зелеными». В-четвертых, всем будущим претендентам сразу поясняется – взаимопомощь против зомби приветствуется категорически. Безразличие к смерти соседнего сквада – наказуемо. Подобных правил у нас теперь больше десятка. И знаешь, к чему это привело за последнюю неделю?

– Снижение смертности?

– В точку! Смертность претов упала на сорок процентов! Да, гоблины все же дохнут… но не в таком диком количестве. Плюс я ввела постоянную вахту надсмотрщиков.

– Это как?

– Отныне в Обсервере постоянно сидит несколько наблюдающих с биноклями.

– И следят они не за зомби?

– За всеми подряд. Но в первую очередь – за претами и героями. Если засекут тех, кто не захотел протянуть руку помощи погибающим – мы их накажем. Если увидят тех, кто рискнул собственной шкурой и помог – мы их щедро и публично наградим.

– Скучно. – поморщился я.

– Скучно. – неожиданно призналась Кассандра. – Прямо, сука, скучно. А вот мои капитаны – бывшие бойцы, получившие свои сквады – прямо кайфуют от этой работенки по раздаче кнутов и пряников.

– И чем награждаете? Тушенкой?

– В сраку тушняк! Самым отличившимся вручаем дробовики или кирасы. Пусть знают – взаимопомощь щедро награждается.

– Скучно. – повторил я и закинул в рот половинку эльфийской слезы. – Что с подъемником?

Стоя у стены, рядом с вмонтированным в нее вертикальным рельсом, я запрокинул голову и взглянул на платформу подъемника, что продолжала оставаться на самом верху.

– Странно. – пифия удивленно склонила голову на плечо.

– Не реагирует?

– Системный запрос уходит, появляется сообщение что он принят… но подъемник не реагирует.

– Ага. – хмыкнул я. – Погоди-ка.

Развернувшись, я дал отмашку своим, и мы небольшой группой отгреблись ближе к медблокам. Отойдя достаточно далеко, я кивнул пифии. Та вернулась к стене, и спустя пару секунд платформа подъемника заскользила вниз. Рассмеявшись, я сделал несколько крупных шагов к Зомбилэнду… подъемник тут же замер, а затем начал подниматься. Мой смех стал громче.

– Ну смешно же! – рявкнул я, глядя на один из системных грибов, насаженных на многометровые колонны. – Сука, смешно!

Мне никто не ответил. А я решил проверить кое-что еще. Шагнул к ближайшему торгмату… и его витрина боязливо погасла. Глянул на Каппу. Тот повторил мой прием – и тоже обломился. Тогда мечник рванул к медблоку и замер перед дверью, над которой горел зеленый огонек, оповещающий, что помещение свободно для приема пациентов. Несмотря на ободряющий зеленый дверь не открылась. Постояв еще чуток, Каппа развернулся, отошел поближе ко мне и «вскрылся». Выбравшись, снова подошел к медблоку. Ничего не изменилось.

– Нет смысла, Каппа, – прервал я его задумчивость. – Система показывает, что нам здесь не место.

– Вам здесь не рады. – почти повторила мои слова пифия, вернувшаяся от стены Зомбилэнда. – Такие вот дела. Но костюмы у вас зачетные, парни. Вы собрали немало зрителей.

«Немало» – мягко сказано. К этому моменту сюда подвалило почти все население Уголька. Глянув на них, я подошел к своему Шилу и забрался в него. Подобные «костюмы» на самом деле вызывают зависть. И как-то не хочется словить пулю из ржавой винтовки завистника. Или кого-то, кто решил прославиться, убив слишком уж знаменитого героя Оди.

Снова моя паранойя дала о себе знать…

Подняв забрало, я, уже не обращая внимания на собравшихся, коротко глянул на тусклый стальной гриб и растянул губы в усмешке:

– Ладно. Ладно… это первая плохая новость на сегодня.

– Может, снова через дно, лид? – предложил Каппа, махнув рукой в сторону Платформы и пришвартованной к ней Шлюхе.

– Гномы вряд ли теперь оставят те ходы без присмотра. – покачал я головой. – Где-то да наткнемся на баррикаду с кучей вооруженных гномов. Да и зачем? Тут основное – задаться главным вопросом, Каппа.

Не подведя меня, раскосый со свойственным ему внешним равнодушием поинтересовался:

– Каким?

С интересом склонила голову и пифия, что пока не рассталась со статусом правительницы Уголька.

– Главный вопрос? Он прост и звучит так: сразу ли прострелит система стальную жопу лезущего куда не надо гоблина или сначала хотя бы разок предупредит?

– Предупредит. – после краткого раздумья решил Каппа.

– Хорошо. – похвалил я его. – Ну так и проверим.

– Сначала предупредит. А потом прострелит гоблину жопу. – добавил мечник.

– Если речь о попытке проскочить в Зомбилэнд – тебе реально жопу прострелят. – вступила в дело пифия. – Не стоит так рисковать, Оди.

– Ага. – я безмятежно кивнул. – Ну конечно, потом система прострелила бы мне все, что только можно – продолжай я находиться на ее территории. Но… с каких это пор система хоть что-то решает в Зомбилэнде? Разве там все не в ответственности добросердечных сурверов?

– Оп-па… – пифия широко распахнула глаза. – А вот об этом я не подумала…

– Махни платочком своим уродам. Пусть кто-нибудь один поднимется в Обсервер. Без обсуждений и вопросов с чьей-либо стороны. Простой сделайте.

– Не проблема.

Несколько слов, взмах рукой с ползающими по пальцам разноцветными бабочками и с засевшим на запястье черным мотыльком, … и через минуту платформа подъемника сначала благополучно достигла бетонки, а затем столь же мягко начала подниматься. Стоя на месте, я спокойно провожал ее ленивым взглядом.

– Я правильно понял? – уточнил Каппа. – Воздухом?

– Не дергайся. – велел я с все той же ленивой улыбкой. – Наблюдай и учись.

– Есть.

– Я все еще не… тут высота стены такая, что…

Сорвавшись с места, я рванул на максимальной скорости к стене Зомбилэнда, преодолев стометровку за рекордные секунды. В миг, когда я оторвался от бетона и на прыжковых ускорителях взмыл в воздух, платформа запоздало остановилась. Я с лязгом приземлился на нее, едва не опрокинув. Платформа двинулась вниз, но я уже оттолкнулся и взмыл в новый прыжок. И только тогда, когда я, уже скорректировав траекторию, пролетал над гребнем стены, у меня высветилось грозное:

«ВНИМАНИЕ! ГЕРОЙ ЭРЫКВАН! ОСТАНОВИТЬСЯ! ПРИКАЗ!»

Я, откинув забрало, издевательски улыбнулся ближайшему стальному грибу, откуда ко мне тянулся веер лазерных лучшей и широко развел руками:

– Уже поздняк, жестянка! Закрылок в жопе не имею!

Секунда… другая… и я скрылся за гребнем, начав падение внутрь Зомбилэнда. Грозная надпись потухла, ни одного выстрела в мою сторону не последовало – хотя могла, могла меня система зацепить очередью бронебойных игл. Вот только за что? Я не получал до этого никаких приказов не приближаться, а то, что я ослушался и не остановился – так поди попробуй остановись, когда ты в воздухе. Уж кто-кто, а холодный машинный ум должен знать летные качества двуного куска стали.

Упал я на дерево. Несчастный старый бук с хрустом встретил меня середкой кроны. Ломая сучковатые ветви, я полетел вниз, по пути сцапав за шею тощую голую зомбячку с гнилым недоразумением вместо грудей. Стащив ее за собой, швырнул вниз и приземлился на потемнелую спину, ломая хребет. Следующим движением срубил ей башку выдвижным лезвием и шагнул к повернувшемуся ко мне десятку матерых зомбаков. Они так удивились моему появлению, что прекратили дожирать несчастную группу бедолаг – и Кассандра еще что-то мне чесала про упавшую смертность?

Стряхивая с лезвия гнилую кровь, я двинулся к врагам. И успел еще признаться до того, как захлопнул забрало экза:

– Все же я по вам скучал, хренососы!

Минуты через четыре, когда я порубил на куски семерых, прострелил затылки еще двум ударившимся в бега тварям и проводил взглядом последнего счастливца, успевшего нырнуть в кусты, один из выживших претов робко проблеял, продолжая обнимать мою закованную в сталь ногу:

– А с какого ранга такие дадут? Уже со второго?

– Пшел нахер. – буркнул я, стряхивая ушлепка со ступни.

Больше тупых вопросов не последовало. Выжившие, поскуливая, плача и таща за собой тяжелораненых, двинулись к выходу, надеясь отсидеться у тамбура. А я пошел по центральной аллее, шагая знакомым путем. На меня нападали еще трижды. Дважды – не успевшие осознать непривычный для них уровень опасности зомбаки. Один раз – перепугавшаяся конопатая девчонка, что всадила мне заряд мелковатой дроби в грудь. Я не стал ее убивать. Указал в какой

стороне замерли в испуге ее соратники и добросердечно отпустил ущербную пинком в копчик. С такой союзницей и враги не нужны.

Миновав большую часть аллеи, я врубил динамики на полную и заорал на всю сраную лечебницу:

– Эй! Оди вернулся, старперы! Бруха! Доус! И ты – синелампoвый! Кевин! К тебе тоже разговор есть! Шагай к бункеру Доуса, если уже отоспался и слышишь меня.

Мой голос, лязгающий и гремящий, благодаря нарочито хрипящим динамикам, разносился далеко в стороны, гулким эхом отражаясь от старых деревьев и бетонных стен. Медленно крутясь, я продолжал шагать и кричать, обращая на себя всеобщее внимание. Пусть и другие сурверы знают – я вернулся. Они со мной знакомы – где я там веселье, проблемы, кровь и разбрызганная мозговая жидкость.

– Чего орешь? – мрачно поинтересовалась у меня механическая сова с человеческим лицом, что уселась на нижнюю толстую ветку.

– Дерьмо твоя карма, Бруха, – вздохнул я. – Опять жопой в клей…

– Сука! – заорала подпрыгнувшая сова, взмахнув крыльями и… свободно взлетев в воздух.

Рассмеявшись, я чуть подправил направление и двинулся к бункеру Джона Доуса, проламываясь через мелкий кустарник и обходя препятствия посерьезней.

– Не умрешь ты своей смертью, Оди, – зло проклекотала сова, опускаясь мне на голову. – Сука! Жаль, роботы срать не могут – я бы тебе харю железную украсила! С чем пожаловал?

– Надо кое-что забрать.

– Например?

– Например – вот эту сову. – подняв руку, я сцапал механическую птицу и стащил со шлема, опустив до уровня забрала. – Ты все же тупая… ничему не учишься… решила, что если я пошутил насчет клея – то мне теперь твоя сова не нужна? Дура ты, ведьма.

– Оди! Отпусти! Отпусти!

– Нет, старуха, – жестко ответил я. – Твоя сова – теперь моя.

– Оди! Это часть моей души!

– Да в жопу. Хватит причитать и начинай паковаться.

– Оди! – тут до Брухи дошел смысл моих слов и, резко сбавив тон, она осторожно переспросила: – Паковаться?

– Ага. Пакуй панталоны, бабка. Ты переезжаешь. Если, конечно, еще хочешь увидеть море и вдохнуть запах свободы.

– Ты серьезно?

– Я – да.

– Но как? Над моей жопой висит бомба! А сраный поводок…

– Это мои проблемы. – отрезал я. – Поднимайся! У тебя три минуты.

– Но…

– Решай, старуха!

– Три минуты! Чтоб ты сдох!

Еще раз свернув, я нагнулся над знакомым пеньком и рявкнул:

– Как еще один прекрасный день в раю, сурвер?

– Оди! Все же ты! Живой!

– На свободу хочешь?!

– Да!

– Через пять минут будь наверху, если хочешь свалить отсюда вместе со своей сосалкой резиновой.

– С Дульсинеей!

– Да насрать. Пять минут! С собой вытащи пару стальных ящиков для доставки!

– Ох… – в голосе прибавилось нерешительности.

– Ссыкло! – презрительно прошипела сова в моей руке.

Глянув на нее, я секунду подумал и принял решения, швырнув ее в небо.

– Заткнись, Бруха! – взорвался в ярости пенек. – Через пять минут! Буду! Сдохну – значит, сдохну! Хотя хрен его знает, как ты решишь проблему с бомбой в поясе!

– Это легко. – усмехнулся я и крикнул: – Бруха! Веди к своему бункеру! Живо!

– Следуй за мной! – велела упавшая с неба сова. – Давай! Пока моя решимость не угасла!

– Стойте! – завопил пень. – Сначала меня! Как мужика и труса! Еще минута – и я передумаю!

– Выбирайся! – зло рявкнул я. – Только без своих театральных молний!

– Да будто я их вызываю! Беги! Я уже в лифте!

– И не забудь ту пушку. Гибрид Мурроса.

– Запомнил?

– Такого я не забываю. Старик! Вколи себе самое сильное обезболивающее, что есть!

– Зачем?

– Давай! Бруха – ты тоже!

– Ох… ох…

Перейдя на бег, я промчался между деревьями, наткнулся на садовую беседку, сломав один из опорных столбов, пробежал перед потрясенными моим появлением героями в стальных кирасах, выскочил на знакомую детскую площадку, из которой как раз выдвигался окутанный дымом и молниями стальной хрен. На все у меня ушло не больше трех минут. Не то чтобы я прямо спешил, но… старперы и правда на грани того, чтобы отказаться от свободы. Даже к неволе привыкаешь. В старости – особенно. В цилиндре открылась дверка, из нее, кашляя от дыма, выскочила знакомая фигура. Зеленые глаза полны страха и странного веселья.

– Я еще две слезы разжевал! – оповестил меня Доус.

– Как глупо. – огорченно вздохнула за его спиной резиновая кукла.

– Как ты меня освободишь? Если разомкнуть цепь в стальном поясе… тросик тоже обрывать нельзя! Система примитивная, но надежная…

– Не понадобится. – зло ощерился я, хватая старика поперек пояса и подтаскивая к детской горке. Запихнув его между мною же в свое время окрашенных прутьев, его же тросом я воспользовался, чтобы зафиксировать старика намертво в подвешенном состоянии. Верхняя часть туловища – над горкой. Нижняя, со свободно болтающимися ногами – внизу.

– Не дергайся. – предупредил я.

– Но как?!

– Плоть мягка и податлива. – пояснил я, стальными руками хватаясь за его широкий пояс. – Тебе повезло, что ты худой, старик. А то бы я тебе жопу оторвал.

– Погоди! Ты хочешь?! А?! ПОГОДИ! А-А-А-А-А-А-А!

Дергать я не стал – а то реально оторву нахрен ему старую жопу. Я потянул мелкими раскачивающимися рывками. Так стягивают с себя тесноватые джинсы – понемногу с каждого бока. Только здесь я не материю стаскивал, а стальной обод с зеленым огоньком.

– ДЕ-Р-Ь-М-О-О-О-О-О!

Выкрикнув это, старик отрубился, уронив голову на один из металлических прутьев. Он и так долго продержался – уважаю. Отключился, когда боль в сдавленных чреслах стала уже невыносима. Убедившись, что самая тяжелая часть позади, я сильно дернул и стащил стальной обод. Уронил его на бетон и принялся отматывать Доуса. Закончив, забросил его на плечо, подхватил один из стальных ящиков и повернулся к сидящей рядышком сове:

– Веди!

– Нахер я это увидела?! Как теперь развидеть, сука?! Как решиться?!

– Обезболивающее. И наркота. Веди! И заодно поясни-ка мне, ведьма, где тут живет сурвер с оленем. И где еще один – тот, что с русалкой…

– Они на свободу не захотят. Их я знаю.

– А я их никуда и не зову – растянул я губы в широкой злой усмешке…

– Вот дерьмо! – в какой уж раз повторила длинноволосая седая старуха в слишком большом для нее черном дождевике поверх серого комбинезона. –

Свобода…

– Пока еще нет. – поправил я ее, задумчиво стоя рядом с горой зомбячьих трупов, которые я же и навалил у основания внешней стены Зомбилэнда. Место я выбрал очень удобное – тут все заросло старыми деревьями, мы находится в сумрачной спокойной зоне. – Доус, ты жив там?

– Ног не чувствую. – признался лежащий неподалеку от Брухи Доус. – Но я счастлив… я, сука, счастлив…

Он мог это и не говорить – по его щекам стекали слезы. Плакала и Бруха. Резиновая кукла молчала. Онемевшая сова лежала рядом с хозяйкой – со спутанными крыльями и лапами. Золоторогий олень со стреноженными ногами смирно лежал на боку рядом с дохлыми зомбакам. Русалка вяло билась тут же – эта хвостатая хреновина с туловищем позолоченного манекена и рыбьей жопой никуда не денется, даже если система возьмет над ней контроль.

– Каков план? – Доусон сморгнул слезы и улыбнулся.

– Ждем еще одного.

– Это кого?

– А вот его. – я развернулся и оказался напротив беззвучно вышедшего из-за перекошенной постройки высокого рыцаря. – Ну здравствуй, Кевин. Скажи, ты сегодня был хорошим мальчиком?

Предводитель зомби медленно кивнул, не сводя с меня пронизанных синими капиллярами страшных глаз.

– Ты мне, сука, руку оторвал. – напомнил я ему.

Еще один медленный кивок.

– Матушка… – тихо-тихо произнесла Бруха. – Он же нас сейчас…

– Ну что, Кевин… хочешь на свободу из этой сраной мясорубки?

Секунда… другая… и новый медленный кивок.

– Хорошо. – улыбнулся я. – Хорошо… Есть одно важное условие – теперь ты временно под моим командованием. Все мои приказы выполнять беспрекословно. Как выберемся – я тебя отпущу, если не захочешь остаться. Что скажешь?

Кивок.

– Тогда приступаем. – буркнул я. – Зови сюда всех, Кевин. Каждого зомбака! Пусть тащат топоры, веревки, тросы и все, чем можно разжечь огонь сразу во многих местах. Не знаю, чему там тебя научил папа Элвис… а я научу тебя, как устраивать отвлекающие массовые огненные диверсии и массовые побеги голодных зомби. Готов учиться?

На этот раз кивок последовал без задержки.

– Хорошо. Приступай. – удовлетворенно произнес я, смело поворачиваясь к Кевину спиной. – Так… а теперь мне бы надо отыскать где-нибудь живого и сговорчивого гонца… чтобы знали, где нас встречать…

Затянутый пеленой серого дыма, исходящего из десятков мест сразу, сверху Зомбилэнд казался чем-то… таинственным и даже мистическим. Но я бросил на него лишь один взгляд и продолжил перебирать руками, быстро спуская вниз трос с привязанными сурверами и добычей. Мимо меня один за другим, по соседним веревкам, что достигали только до середины стены, быстро спускались беглые зомби, направляемые разумом Кевина, что спустился одним из первых и уже успел спрятаться.

Время…

Время…

Вой сирены подстегнул меня, заставил перевалиться через стену и рухнуть вниз. Пролетев немалое расстояние, я схватился за трос и заскользил по нему, чувствуя, как дрожит от напряжения многожильная стальная струна.

Последнюю часть пути снова пролетел и рухнул рядом с уже тронувшимся прочь багги. Глянув на сгрудившихся на платформе бойцов, я махнул рукой Роксу – увози. А сам, развернувшись, посмотрел на оставшихся Рэка и Каппу и приглашающе указал рукой – жрать подано.

Когда через несколько минут сюда примчались поднятые системой герои из Уголька, они увидели обычную для этих краев картину – герои умело отбиваются от злобных и голодных зомбаков. Швырнув нескольких тварей, я переместил их за изгиб стены, и мы попали в поле зрения ближайшего к поселению столбу со стальным грибом. Теперь нас видела и система.

Бой с вышедшими из-под контроля Кевина зомби закончился быстро. Стряхнув с выдвижного клинка кровь, я повел стволом модифицированного игстрела и прострелил башку грызущего мою ногу гнилого ушлепка. И неспешно зашагал к городу.

– Лид! А еще потрахаться можно? А то я прямо не досыта. – заторопился за мной Рэк, закидывая за спину дробовик.

– Через час всем быть на Шлюхе. – ответил я.

– Мне хватит! Каппа! Идем? Перехватим чуток счастья!

– Счастья? – повторил Каппа и скорбно покачал головой внутри стального шлема экза. – Ты ищешь моллюсков на сухом поле.

– Чего? Я че-то тебя не понял, раскосый… Опять умничаешь?

– Крохотен огонек в большом фонаре…

– Пошел нахер!

– Через час. – повторил я, устало ворочая шеей.

– На базу, командир?

– На базу.

– А оттуда… да?

– Да. – кивнул я. – Да…

Зашипел передатчик:

– Командир?

– Слушаю тебя, Рокс.

– Ждем в условленном месте. Верно?

– Да.

– Гости пялятся на океан и плачут. Просят самогона. Дать?

– Дать.

– А тот… тот забрал жареную курицу и медленно ее жрет… по крохотному кусочку смакует с хрустом… аж дрожь берет.

– Не мешайте.

– Принято. Ждем вас. И прихватите с собой еще пару жареных куриц…

Глава третья

От побережья Шлюхе пришлось отойти подальше.

Причина? Она проста – никто из наших пассажиров не захотел покидать палубы.

Бывшие сурверы вытянулись во весь рост на нескольких одеялах. Их вражда была забыта – по крайней мере, сейчас. Они даже не разговаривали. Просто лежали с подоткнутыми под голову подушками, пили кофе, щедро заправленный сахаром, молоком, наркотой и бурбоном. И не отрывали глаз от проплывающего мимо далекого берега, от пенистых серых волн, от редких островков, обжитых тюленями и чайками. Старики не дышали воздухом – они им затягивались глубоко-глубоко, будто пытаясь всосать в себя весь морской соленый запах. А затянувшись, долго не выпускали из себя воздух свободы.

Кевин… этот обосновался на корме. Он не снял с себя кучи железа, но оно его, насколько я понял, нисколько не отягощало. Десятки килограмм брони он таскал с потрясающей легкостью. Прижавшись спиной к железной стене, он замер. Жили только его руки, челюсти и глаза. Глаза медленно переползали с островов на берег, затем на волны, потом повторяли этот маршрут. А руки и челюсти были заняты жареными курицами. Рокс не ошибся, когда попросил прихватить еще несколько зажаренных на сковороде птиц. Кевин знал в них толк. И сожрал все пять из тех, что повара в лучшем баре Платформы сумели приготовить за отведенный им час.

Процесс поглощения курятины был одним и тем же. Сначала аккуратно снимался каждый лоскуток жареной кожи – снимался мастерски, бережно. Затем от курицы отделялась ее жирная мясистая жопа – этот торчащий огузок – что отправлялся к отложенной коже. Потом тушка расчленялась. И начиналось поглощение – всегда с грудки. Так Кевин двигался от самой сухой куриной части к самым ее сочным кускам. В финале наступала очередь отложенной жопы и кожи. Сначала съедалась жопа – очень медленно… потому в его рту исчезала жареная похрустывающая кожа, пропитанная жиром и специями. После этого наступала пауза в несколько минут… и стальной зомбак брался за следующую курицу. Жрать их он, похоже, был готов бесконечно.

Может, в правильном пожирании жареной курицы есть какая-то особая философия? Или так его научил папа Элвис? Хрен его знает. Жрет и жрет.

Рядом с ним стоял его стальной ящик – и он знал, что с ним делать в случае чего. Металл толстый, надежный, должен неплохо экранировать. Такие же стояли рядом с сурверами.

Они уже успели побывать внутри этих ящиков – для этого я их и велел прихватить из Зомбилэнда, для этого матерые зомбаки и перли их по

прислоненным к стене бревнам и отходящим от них примитивным штурмовым лестницам. Едва погрузившись на багги, еще не добравшись до Тропы, стонущих от боли сурверов и молчаливого рыцаря-зомби запаковали в ящики, прикрыли сверху кучей оружия и всякого барахла, окружили живыми бойцами и таким вот сэндвичем прогнали под всеми сенсорами до условленного места.

На подходах к базе им снова придется повторить этот фокус.

Не знаю, что сделает система, если обнаружит на музейной базе дуэт старперов-сурверов. Может, и оставит их там доживать свой век. Я лично так и собирался поступить. И им там самое место – они же, считай, музейные экспонаты. Пусть себе хранятся в пыли заброшенных музейных залов – может, и порядок там наведут, когда смятые тазовые кости снова позволят им двигаться.

А вот Кевин… тут, сука, все очень сложно и непонятно.

Он был нужен мне, чтобы быстро смыться из Зомбилэнда.

Что дальше?

А хрен его знает. У него два варианта – либо уйти и попытать счастья в этом мире в одиночку… либо остаться и последовать за мной. До тех пор, пока он жрет куриц, а не гоблинов – у него есть шанс. Жить на базе я его точно не оставлю. Слишком уж непредсказуемый этот Кевин. И слишком живучий. А еще он чем-то похож на меня…

Вернувшись на мостик, я уселся на продавленный диван рядом с припавшим к полу экзом. Скрутив крышку с бутылки, в два приема выпил почти литр компота. Поморщился – кисловато. Но вкусно. Глянув на незнакомого мне молодого совсем парнишку, льнущего к старому капитану Сквалыге, что пытался играть в шахматы с Роксом, на этот раз решившим загнать багги на корабль, а не переть долгим опасными тропами, я велел юнцу:

– Отнеси по бутылке компота старикам и штуки три таких тому, кто сидит на корме и жрет куриц.

– Тому, кто сидит на корме? – парнишка испуганно округлил глаза и губы, заломил запястья, прижал их к груди. – Он стра-а-ашный…

– Захлопни пасть, щенок! – торопливо встрял Сквалыга, ткнув парнишку кулаком в плечо. – И с героем Оди таким голосом больше не разговаривай! Вообще ничего не говори – просто делай! Понял?

– А… ага…

– Так давай на камбуз за компотом, раз понял!

Когда разносчик, не глядя на меня, побежал выполнять задание, я устало прикрыл глаза и безразлично поинтересовался:

– Новенький?

– Кто-то должен греть постель…

– Не тем ты постель греешь, моряк, – крякнул Рокс и двинул вперед ладью. – Шах тебе.

– Ох ты ж… ща вывернемся из этой ситуевины…

– Оди… сыграть не хочешь партийку?

– Не. – ответил я, не открывая глаз. – Как там Кассандра?

– Спит в каюте. Та девчонка с расписной рукой там же. Йорка вроде бы?

– Ага.

– Эта Йорка сначала все пыталась о чем-то с Баском поговорить. Пощечину ему залепила. М-да… а Баск ее выслушал, развернулся и ушел. Она разревелась и к Кассандре… А ты что скажешь, Оди?

– А мне насрать, Рокс, – уже проваливаясь в сон, ответил я. – Мне насрать.

– Любовь земная тебе чужда?

– Когда мир гниет и умирает на наших глазах… какая, нахер, любовь? Это как в горящем здании устроить дискотеку.

– Ну… та официанточка на пирсе к тебе так и льнула, провожая. Да и ты вроде бы с ней был не против последние полчаса провести перед отходом… Молод ты еще, Оди. Молод. Может, просто не созрел? Ведь говорили вроде бы когда-то – любовь спасет мир.

– Бред! – фыркнул Сквалыга и хлебнул из граненого стакана водки. – Аж бред! Ладно юность упругая может такое говорить… ты-то куда, старпер?

– Так я в философском смысле…

– В философском? Да бред! Любви не существует.

– Да как же! Без любви и семьи не построишь!

– Семьи? Какая к черту семья? Тут бабы не рожают! А семья – это дети. Если же только двое – он да она… то, где тут семья?

– Да причем тут дети? Я к тому, что любовь – это в первую очередь уважение! Если ты бабу свою не уважаешь – тебе с ней долго не прожить. А если она тебя ни во что не ставит? Тоже все к хренам покатится!

– Криво ты как-то поясняешь. Вот я тебя уважаю. И что? У нас, типа, семья?

– Ты дерьмо с повидлом не путай, голубок с якорями!..

Дальше я эту ленивую пустую беседу уже не слушал, позволив себе провалиться в неспокойный сон…

* * *

Под водой я устроился с удобством, запарковав жопу на торчащей из дна наклонной стальной балке. Метрах в пяти надо мной колыхалась водная поверхность, нет-нет да проплывали на удивление крупные беглые рыбины, плескались с визгом женщины, дети и старики, взбивая смуглыми пятками теплую воду. Некогда это место было вершиной среднего по величине холма. И уже, наверное, как тысячу лет, этот холм был изрезан рукотворными террасами, на которых выращивалась всякая овощная хрень. А может, здесь растили рис. Или высаживали чайные кусты.

Сейчас, во время, когда мир медленно тонет, когда подступающий озлобленный океан жадно глотает сушу километр за километром, пытаясь догнать и уничтожить проворно отступающих муравьишек-людишек, от холма осталось немного.

Над водой возвышалось метров двадцать вершины. Может, чуть больше. Может, чуть меньше. Это мне похрен, а тем невольным почти робинзонам, что пытаются тут выжить, это очень даже важно – они готовы целовать каждый оставшийся грамм плодородной почвы. Подобных относительно недавно возникших островков, поднимающихся над затопленной и некогда богатой холмистой долиной ровно семнадцать. Это настоящие острова. А есть и понтонные, состоящие из ржавых цистерн и огромного количества сетчатых мешков, набитых тысячами наполненных воздухом пластиковых бутылок. Конструкция у них примерно одна и та же – плавучая основа стянута сетками и тонкими тросами, сверху постлано немалое количество слоев пластиковых же полотнищ и тонкой жести. По периметру надставлены примерно метровой высоты борта. Получившийся бассейн заполнен еще могущей плодоносить почвой и густо усажен растениями. Климат здесь тропический, урожай собирается круглый год. Штормов в этой окруженной хребтами и горами долине не бывает. Частично эти острова закрыты навесами – не все растения любят прямой солнечный свет. На этих навесах и на привязанных к основному мелких плавучих островках и лодках живет население подобного плавучего «рая». Вода здесь солоноватая, растениям не подходит, но спасают опреснители, а солнечные батареи дарят энергию стареньким моторам, что таскают эти убожища по всей долине – ведь нельзя же сожрать все выращенное. Часть урожая надо выменять на что-то полезное. Именно выменять – деньги здесь давно не в ходу. Натуральный обмен рулит, а курс арахиса к баклажанам зависит исключительно от голосовых данных и силы убеждения торгующихся.

Изредка с материка прибывают старые катера, что в обмен на свежие продукты всегда готовы предложить кое-какие лекарства и одежду, запчасти к опреснителям и двигателям. Они же скупают рыбу – эти геномодифицированные твари водятся в огромных плавучих сетчатых загонах, что медленно двигаются по здешним водам, позволяя водорослям, насекомым и прочей съедобной хрени самой заплывать в пасти быстро жиреющих всеядных обитателей.

На островах настоящих – та же ситуация, хотя здесь считается, что жить на настоящей суше уже невыгодно. Пусть рост уровня воды замедлился, и теперь океан наступает лишь по паре сантиметров в год, все равно рано или поздно холм утонет. Где будут жить внуки? Поэтому жители земляных куч старательно собирают всякий годный хлам, чтобы однажды соорудить понтонный остров, мешками перетаскать на него родную землицу и пуститься в вечный круговой заплыв. А почему нет? Живут же соседи так!

И правда – живут. Причем по меркам здешних обитателей они живут неплохо. Они готовы так жить вечно. Готовы рожать в этих условиях детей. Готовы здесь умирать и уходить рыбе на корм – предварительно посетив их ритуальную мясорубку, конечно. Разве не вышибает трогательную слезу созерцание того, как помершую бабулю живенько так перемалывает в фарш здоровенная мясокрошилка, чтобы красным дождем пролить останки в бурлящую от перевозбужденных рыбин воду садка? Это ведь так мило… настоящий круговорот жизни…

Да. Они готовы жить так вечно.

И боятся только двух вещей – того, что вода поднимется еще выше, сокращая их территории и открывая дорогу штормам, что пока не могут сюда пробраться из-за стоящей на их пути невысокой гряды. И того, что в их дела будут мешаться ублюдочные внешники – под каковыми они воспринимают всех чужаков до единого, не делая различий между скорбно вопящими о великом потопе христианскими пасторами, посланцами от организаций по правам детей, требующих сейчас же отдать отпрысков в школу, и страховыми агентами, обещающими немедленные щедрые выплаты… Но это еще мелочь. А вот когда сюда приходят государственные или корпорационные силы… тогда жди настоящей беды.

Именно это и случилось – в затопленную долину явились силы реально монструозной, мать ее, корпорации. Новый благотворительный проект,

спонсируемый этими дельцами и, вот уж редкость, действительно направленный на благо человечества. Не на благо здешних жителей, но на благо человечества. И кто здесь не человек, а гнида недостойная сего светлого звания?

Не то чтобы корпорации понадобилась вся долина. Нет. Для начала они нацелились на несколько бывших холмов, что еще торчали над водой. И тот, у чьего ушедшего под воду склона я притаился, был первым на очереди. Несколько крохотных дронов усердно собирали для меня информацию и проецировали ее на внутреннюю сторону забрала Ночной Гадюки. Я видел и слышал все, что происходило вокруг. И ничуть не удивился, когда веселое купание прямо надо мной внезапно прекратилось. Еще бы им не прекратить плескаться, когда над островком, утыканном сваями с поставленными на ним жилыми и техническими навесами, зависла здоровенная гондола огромного корпорационного дирижабля, что бросила зловещую тень не только на островок, но и на прибрежные воды.

Я сидел тихо, давая возможность колыхающейся надо мной маскировочной умной сети делать свое дело. Корпоративные безопасники не идеальны, но службу свое знают неплохо. Не стану предоставлять им лишние шансы.

На отделившейся от пассажирской гондолы платформе стояло трое. Все мужчины. Все средних лет. Все в дико выглядящих в этой местности дорогих деловых костюмах. Одинаковые галстуки. Одинаково уверенное выражение лиц. Такие, как они, всегда появляются незадолго до прибытия первых бульдозеров, что сокрушат и разровняют здешний уклад жизни. Такие, как они, нужны лишь для одной функции – дать понять всему миру, что пославшая их корпорация действует цивилизованно. Ведь мы не дикари. Мы не захватчики. Мы забираем на законных основаниях…

Посланцев ада встретила изначально враждебная группа старцев. За их спинами маячило несколько мужчин с допотопными ружьями, но всерьез их никто не принимал – не успеют и стволами дернуть в сторону юристов, как их тут же положат автоматические турели с дирижабля. Надо будет – все население островка вымрет за пару минут от пулевого обжорства. Но зачем лишние проблемы? В наше время бумажка с печатями убивает куда лучше, чем пуля.

– Доброго славного дня, о жители острова двенадцать. – улыбнулся один из посланцев. – Вам уже отправляли оповещение о нашем прибытии и наших целях. Вы готовы покинуть остров? Нам пора начинать строительство…

– Мы не уйдем! – коротко произнес канонично седобородый дедок в затасканных шортах и с трепещущим на груди седым пухом. – Это наш дом! Вы – уходите!

– Мы здесь не для споров. Не для торгов. Но мы всегда готовы объяснить. Несколько островков этой долины, а именно, двенадцатый, шестнадцатый и семнадцатый, были выбраны мудрым правительством вашей славной страны в качестве опор будущей транспортной магистрали, что положит конец разрозненности страны, поможет объединить семьи, наладит грузовой и пассажирский потоки. Более того! Планом предусмотрено устройство особых зеленых зон вдоль этой магистрали! Те же самые огороды – только расположенные этажом выше. Больше земли, больше солнца, меньше сырости, больше здоровья и веселья.

– Уходите!

– План утвержден на самом верху. Все подписи поставлены. К завтрашнему утру сюда прибудет тяжелая техника, и этот остров, что содержит в себе превосходную прочную скальную сердцевину, начнет преображаться. Отныне это опора! Вы не сможете здесь остаться…

– Мы не уйдем! Вам придется убить нас всех!

– Ну что вы такое говорите! – в дело вступил второй юрист, доставая из блестящего кожаного портфеля пачку бумаг. – Все предусмотрено. Если к завтрашнему утру вы все еще будете здесь, сюда явятся правоохранительные силы вашей славной страны и… предпримут все необходимые меры для безопасной эвакуации гражданских с места строительства федерального значения… Понимаете? Так или иначе – вы уйдете. Но зачем доводить до крайностей?

В глазах старика заплескалась беспомощность. Он прекрасно знал, на что способны здешние «правоохранительные силы славной страны». И понимал, что лучше на самом деле уйти самим. Уйти молча. Уйти навсегда.

Повернувшись к сородичам, он замер, не в силах сказать ни единого слова. А те продолжали смотреть на него с суровой выжидательностью – большая часть здешних не знала общего языка и не поняла ни единого слова. Горстка дикарей

еще не знала, что они уже проиграли. Старику предстояла сложная задача. Для начала убедить стариков. Затем надавить на женщин. Это еще полбеды. А вот как заставить подчиниться агрессивную молодежь?

Но чего старый вождь не знал, так это того, что ему не придется убеждать сородичей проявить покорность. И ему не придется покидать родной клочок суши. Но скоро он узнает… примерно через… бросив взгляд на мерцающие часы, я протяжно зевнул. Пока все идет по точно рассчитанному плану.

Пассажирский дрон с яркой подковообразной символикой атолла провалился сквозь облака, коротко обменялся данными с дирижаблем, предупреждая его о своей принадлежности и одновременно дублируя информацию на спутники. Упав почти до воды, транспорт открыл боковые створки, выпуская из пассажирского отсека трех… точно таких же юристов в дорогих деловых костюмах, при портфелях, галстуках и серьезных лицах. По выдвинувшемуся трапу они сошли на один из дощатых причалов и, неспешно шагая, добрались до места противоборства. Там они сходу взяли дело за рога.

– Вы ничего здесь не будете строить. – безапелляционно заявил один из новоприбывших, доставая из портфеля пачку бумаг и почти швыряя ее своему враждебному близнецу. – Никто не вправе лишать этих несчастных родины! Это попрание их гражданских прав! Оскорбление религиозных чувств! Лишение привычного образа жизни!

Пока один распинался на общем языке, зная, что каждое его слово и жест записываются и сразу же транслируется на новостные каналы, другой, на приличном местном языке, торопливо пояснял аборигенам, что они на их стороне, что их услуги не надо оплачивать, что им вообще ничего не надо делать – можете расходиться и возобновлять свои дикарские дела. Аборигены пока не верили, но с каждой секундой доверия прибавлялось.

– Вы… Да вы что!

Эти слова произнесли не юристы. И не дикари. Их буквально выкрикнула спущенная на руках охранника в экзоскелете девушка, что сердито одернула слишком задравшуюся короткую юбку и замерла в вызывающей позе:

– Вы с ума сошли?! Задумайтесь! Эта транспортная магистраль станет дешевым путем, доступным для каждого социального слоя! Тут несколько ярусов! Вакуумные линии, обычные рельсовые, автомобильные и даже пешеходные! Эта магистраль объединит десяток нищенствующих архипелагов, поможет обеспечить доступной медицинской помощью, резко удешевит стоимость любой доставки! Это не просто магистраль – это дорога жизни! И строится она не ради наживы – это гуманитарный проект мирового уровня! Разве можно быть против?

– Просмотрите бумаги. – сухо улыбнулся посланец Атолла. – Посмотрите на подписи. Если не хотите терять время на анахроничные носители информации – просмотрите электронные оригиналы, что уже посланы на ваш главный сервер.

– Да плевать! Поясните мне одно – против чего протестуете?! Ведь дорога нужна для всеобщего блага! Да, пара сотен местных жителей потеряет привычные места обитания. И что?! Они могут переселиться выше! Более того – мы можем предоставить им точно такие же плавучие острова! Пусть и дальше плавают по долине!

– Просмотрите бумаги. – повторил юрист и, отвернувшись, зашагал обратно к дрону, уводя с собой спутников. Не оборачиваясь, он крикнул: – Не вздумайте тронуть здесь и куска грязи! Засудим!

– Тот, кто послал вас – враг человечества! – зло прокричала девушка. – Мы пытаемся спасти этот народ! Пусть они не понимают этого – но это так!

Неожиданно остановившись, юрист глянул через плечо и грустно улыбнулся:

– Да. Мы знаем. Это редкий честный проект. Но осуществлен он не будет.

– Да почему?!

– Потому что слишком поздно. Ваш проект… он уже не спасет. А то огромное количество стали, полимеров и прочих ставших столь редкими строительных материалов лучше потратить на нечто куда более важное. Куда более… спасительное…

– На что?! Что может быть важнее воссоединительной транспортной артерии? Дети смогут попасть в школы! Взрослые получат шанс найти достойную работу! Старикам откроется дорога в больницы!

– Поздно. – повторил юрист, все еще помнящий, что прямо сейчас записывается камерами мрачное выражение его лица. – Слишком поздно. И не стоит беспокоиться об этих славных мирных жителях… о них позаботится Атолл! Мы позаботимся о каждом, кто желает жить, а не умереть!

На этой излишне театральной ноте состоялось отбытие.

Ушедший прочь дрон унес с собой посланцев Атолла, оставив на островке его хозяев и незваных гостей – исходящую злобой красотку и крайне задумчиво переглядывающихся юристов.

– Надо что-то делать! – не выдержала молчания девушка.

– А вы видели вот эту и эту подписи, госпожа?

– Да плевать!

– Нет… – улыбнулся юрист постарше, давая отмашку всевидящим глазам корпорационного дирижабля. – На эти подписи никому не плевать в этом мире, госпожа. Мой вам совет – смиритесь.

– Столько сил… столько трат…

– Смиритесь. – повторил юрист, держась за поручень начавшей подниматься платформы. – Мы проиграли.

– Дерьмо… – тоскливо произнесла девушка, повернувшись к далекой гряде, что отгораживала эту мирную долину от наступающего океана. – Дерьмо…

Вытянувшись на подводной балке, я внимательно изучал ее лицо сквозь мерцающую толщу воды. А она красива. Горда, честна и думает о других. Не жилец…

Из гостей я покинул островок последним, уйдя в мутную глубину, когда проигравший эту битву корпорационный дирижабль вновь поднялся в облака и исчез.

* * *

Кроме часовых и бессменной Джоранн у экрана, нашего прибытия никто и не заметил. Чему я был рад. Если после короткого отсутствия тебя встречает радостная и чуть ли не плачущая толпа гоблинов – значит, им тупо нечем заняться. Такое должно быть наказуемо. И я бы наказал. Но не пришлось – ярко освещенная даровыми музейными лампами база была предельно занята. Кто-то до кровавого пота отрабатывал одни и те же приемы, кто-то отстреливал магазин за магазином, кто-то отжимался, кто-то жрал, а кто-то спал, торопясь восполнить запасы энергии. Удовлетворения я не показал, молча приняв доклад от двух недавно назначенных десятников – зверолюда с окрасом барсука и обычного гоблин с харей, украшенной десятками круглых ожогов. Велев им отдыхать, я назначил старшим Рэка, приказав продолжать в том же духе. Каппу и Баска, оставив их в экзах, отправил на первый островок, где их уже заждался новый сброд. Время сортировать мясо.

А я сам…

Чуть постояв на крыше, слепо глядя в шумно дышащую тьму над океаном, я двинулся к самому главному и интересному для меня сейчас месту в этом мире.

Оно находилось в том же коридоре, что и пункт наблюдения. Он уж пункт управления.

А напротив него, в глухой комнатушке-кладовке без окон и с единственной узкой дверью, по моему приказу устроили временный склад для доставленного нами дерьма. Важного дерьма. Путеводного, мать его, дерьма.

В коридоре вдоль стен стоял боевой десяток Рэка в полном облачении и при оружии. Десяток Каппы – хотя там численность подбиралась уже к двадцати – патрулировал главное музейное здание снаружи. И сейчас они на самом деле охраняли дорогие, странные и в большинстве своем нахрен никому не нужные экспонаты – как в почти каждом из музеев мира. Боевая музейная охрана.

Коротко ответив на дружное приветствие, я заглянул в пункт наблюдения, переглянулся с сидящими у экранов и за столами гоблинами, что подскочили при моем появлении. Переведя взгляд на Джоранн, я проворчал:

– Слишком у них умные и скучные рожи.

– А похер. – мило улыбнулась рыжая кобылка, оглядев своих тощих подчиненных, которых вполне можно было назвать ее личным десятком яйцеголовых. – Мне с ними не сношаться. Продолжайте записывать наблюдения, мясо!

Подскочившие гоблины тут же плюхнули жопы на стулья и вернулись к лежащим перед ними заметкам. Мне хватило нескольких минут, чтобы понять – каждому из гоблинов Джоранн доверила по одному-два маленьких экрана и заставила фиксировать на бумаге все, что они считают важным. Логично. Но… это не бойцы. Вернувшись в коридор, поинтересовался у смутно знакомого куска мяса с винтовкой за плечом:

– Эти, – я ткнул большим пальцем через плечо. – Рвут жопы на тренировках?

– Никак нет, лид! Полируют жопами мягкие кресла! Жрут тут же! Спят в соседних комнатах! Личное звено офицера Джоранн!

– Офицера Джоранн?

– Так точно, лид.

– Ладно. – кивнул я. – Ла-а-а-адно… Скажи, гоблин… ты бы хотел быть таким, как они? Только отвечай, как есть. Хотел бы сытно жрать, охрененно спать и ни хера не делать, кроме как пялиться в экран, поглядывать на аппетитную жопу офицера Джоранн и тайком теребить мясной отросток под столом… хотел бы?

– Ну…

– Говори, как есть.

– А можно? – шумно сглотнул детина.

Скривившись, я отступил и рявкнул в сторону пункта наблюдения:

– Джоранн! Чтобы уже через час половина твоих отсосов и лизунов отжималась от плаца в поте лица и жопы!

Не дожидаясь ответа, я толкнул ничем не примечательную дверь и оказался в небольшом помещении. У косяка, уложив дробовик на скрещенные ноги, позевывал Рокс, баюкая в свободной руке кружку, пахнущую кофе, сахаром и самогоном.

– Лид…

– Как дела, старик?

– Ну… дерьмо это все невероятное.

– Ага, – кивнул я, опускаясь на корточки перед разложенными в ряд трепыхающимися трофеями. – Дерьмо невероятное… И вот этот хлам является путеводным лучом, ведущим в Мир Монстров? Охренеть… знаешь… я сегодня задумался… а может, ему лучше сдохнуть?

– Кому?

– Всему. Всему этому гребанному извращенному никчемному мирку… Как ты сам считаешь, Рокс? Есть шанс все исправить?

– Исправить что? – осторожно спросил старик. – И не слишком ли круто ты забираешь, командир? Этот мир не так уж и плох…

– Да ладно? Ты проделал со мной только часть пути, Рокс. Но ведь до этого ты годы прожил в сраном Угольке, сражаясь в гребаном Зомбилэнде. Ты годами убивал обычных зараженных гоблинов. Ты видел тех, кто приходил в Уголек только за славой и баблом. Вот и расскажи мне, старик, … скольких из встреченных тобой гоблинов ты считаешь достойными спасения?

– К-хм… все же круто ты забираешь, командир.

– Вот я и подумал… – помассировав виски, я задумчиво глянул на старика, втянул ноздрями запах кофе и самогона.

– Подумал о чем?

– А что, если мы всех убьем? – буднично спросил я.

– Кого всех?

– Да всех подряд! Ну может, только добровольно низших частично оставим, перед этим проредив их поголовье хорошенько. А остальных – под корень! Даже бесполезных добросов – в жопу их!

– Ох ты ж…

– Задача, конечно, не из легких. Но вполне выполнимая при наличии достаточного количества обученного мяса, тяжелой боевой техники и прочих мелочей. И под такое дело всегда легко подвести нужную мотивацию. Вложить в уши и головы солдат мысль, что мы очищаем скверну и все это ради будущего светлого доброго мира…

– Командир… ты пьян?

– К сожалению, трезв. Угостишь из бокала?

– Допивай. А я еще плесну из термоса. Оди… знаешь… скажи мне такое кто другой – я бы просто посмеялся. Но когда такое говоришь ты… я верю, что ты можешь это провернуть. И поэтому… прекрати. Не надо, ладно?

– Не надо что? – рассмеялся я, поверх кружки глядя на трофеи. – Не надо желать населяющим этот мир гнидам смерти?

– Да. Не надо.

– Ты понимаешь, что мы живем в искусственном мирке? Ты понимаешь, что ресурсы этого мира ограничены?

– Понимаю.

– Ты слышал о холодном сне? О тысячах гоблинов, спящих и ждущих своего пробуждения?

– Все слышали. Холодильники Матери полным-полнехоньки свежим и тухлым мяском.

– Так что тогда мы теряем? Сколько тут ныне живущих? Сто тысяч? Двести? Четверть миллиона? А скорей всего, если считать тех и тех, то наберется и миллион.

– Это живые люди…

– Это злобные низшие гоблины, что трахают беспомощных червей. Это гномы, что приносят кровавые жертвоприношения и чуть ли не сношаются с плуксами. Это высшие, что вообще нихрена не делают, но при этом получают от жизни все. Это ублюдочные герои, что просто наслаждаются своим статусом и предпочитают не рисковать жизнями. Это добросы, что жрут, срут…

– Добросы-то тебе чем не угодили?! Плохого не делают! Просто живут!

– Просто живут. Ага. Дышат воздухом, ловят рыбу, охотятся, срут… от них нет пользы, Рокс! Они не пытаются сделать этот мир лучше! Даже низшие гоблины делают что-то полезное! Пусть вынужденно – но делают! Чистят слизь, скребут стены, прочищают трубы и стенные закоулки, уничтожают плуксов. Они что-то делают! Хотя и их всех можно завалить нахрен – все равно найдется замена. Всех под корень! И в землю – на удобрение!

– Охренеть! А олени делают что-нибудь полезное? А белки? А форель? Они тоже просто живут!

– Но мы – не олени! – рыкнул я. – Мы, сука, не олени! К тому же от оленей природе сплошная польза. Жрут листочки, удобряют землю, кормят собой волков…

– Прекрати, Оди… прекрати. Я постарше тебя буду. Прислушайся к моим словам и запомни их – люди просто хотят жить. Понимаешь? Они не желают никому вреда. Они тихо и спокойно живут, наслаждаясь каждым отпущенным им днем. Их не за что убивать. Согласен, что есть ублюдки, которые разрушают этот мир – вот их надо шлепнуть. Я первым нажму на спуск дробовика. Но нельзя же валить всех подряд! Тут нужна избирательность.

– То есть ты будешь судьей?

– Да нет…

– Будешь решать, кто достоин жить, а кто нет?

– Опять я тебя не понимаю.

– Убить всех без разбора – это честно и быстро. А если начать решать кому жить, а кому умереть – это назначение себя на роль бога. Потянешь эту роль? Сможешь быть беспристрастным высшим судией?

– Да ну тебя…

– Тут нечего решать. Среди нас и вокруг нас на самом деле есть лишь один, кто достоин жизни. Лишь один, ради которого мы все – и хорошие и плохие – должны быть готовы умереть. Все ради спасения его одного!

– И кто же это?

– Мир. – ответил я, возвращая пустую кружку. – Этот искусственный мир вокруг нас, что заживо разлагается на наших глазах. Вот кто должен выжить. Мир! Мы все – просто гоблины. С нашей смертью ход событий не остановится. Другие гоблины продолжат коптить небо и забудут о тебе, каким бы важным и крутым ты ни был при жизни. А вот если погибнет этот мир… нам всем конец, Рокс. Мы просто сдохнем в жуткой агонии.

– Опять ты круто загибаешь…

– Это не крутой загиб. Это правда. Мир может прожить без нас. А вот мы без него – нет. И этим все сказано. Этим все приоритеты расставлены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dem-mihaylov/nizshiy-10

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити